

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова**

**Социология и психология
международных отношений и геополитики**

Материалы круглого стола

14 апреля 2010 года

Москва

УДК 316.4
ББК С556.515я43
С 69

Редакционная коллегия:

А. Г. Дугин (отв. редактор), И. Ю. Киселев, В. В. Кочетков

С 69 Социология и психология международных отношений и геополитики: Материалы круглого стола. /
Отв. редактор А. Г. Дугин; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. –
Ярославль : ЯрГУ, 2010. –123 с.

В настоящий сборник включены доклады участников круглого стола, который состоялся 14 апреля 2010 г. в рамках XVII Международной научной конференции «Ломоносов - 2010» в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. В них предпринята попытка рассмотреть и осмыслить проблемы внешней политики и современных международных отношений при помощи социологических и психологических конструктов таких как идентичность, статус, роль, образ государства, девиация, глобальное общество и др. Обсуждается релевантность применения социологического и психологического подхода с точки зрения предмета социологии международных отношений.

Предлагаемый сборник адресован преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных и социальных факультетов высших учебных заведений и всем тем, кто интересуется данной проблематикой.

Тексты докладов воспроизводятся с полным сохранением содержания, орфографии и синтаксиса, предоставленных авторами оригиналов.

© Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
© Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова
© Коллектив авторов

Содержание

«Государства-изгои»: девиантное поведение и политика стигматизации в современных международных отношениях Бартенев В. И.....	5
Различные подходы к типологии участников международных отношений Вдовиченко Л. Н.	16
Психология принятия внешнеполитического решения Винокуров В. И.	24
Социологический концепт «глобального общества» Дугин А. Г.....	32
О структуре образа государства в международных отношениях Киселев И. Ю.....	43
Психология в международных отношениях Кочетков В. В.	48
Дефицит пресной воды как причина международных конфликтов Кочетков В. В. Пак Е. В.....	60
Ролевые модели поведения индивида в конструировании транснационального пространства современной мировой политики Красина О. В.....	72
Геополитические векторы постсоветской Центральной Азии и Россия Назаров З. И.....	82
Взаимодействие России и стран СНГ в сфере борьбы с терроризмом Руденко Л. Д.....	91
Механизмы межгруппового восприятия и познание угрозы в международных отношениях (на примере ядерной программы Северной Кореи) Смирнова А. Г.	96

Психология реверсии в международных отношениях	
Терновая Л. О.	101
Социология или не социология? К вопросу об объекте и предмете социологии международных отношений	
Цыганков П. А.	110
Туризм как фактор международного сотрудничества	
Шаркова Г. Н.	114

«Государства-изгои»: девиантное поведение и политика стигматизации в современных международных отношениях

Бартенев В.И.

С момента окончания глобального противостояния капиталистической и социалистической общественно-политических систем, которое играло в международных отношениях роль стержневого конфликта на протяжении большей части XX века, прошло уже два десятилетия. Однако все попытки лидера западного мира – США – «преобразовать» реальную победу в «холодной войне» в столь же реальный «конец истории» закончились крахом. Убедить политические элиты стран не-Запада в отсутствии альтернативы вступлению в «цивилизованное общество» либеральных демократий Белый дом не смог. Современное состояние мировой политики не только не соответствует идиллической картине кантIANского «демократического мира», адаптированной Ф.Фукуямой и его последователями к «постбиполярным» реалиям, но и продолжает удаляться от этого идеала по мере ослабления мощи гегемона и усиления тенденции к формированию многополярного миропорядка.

Ярким доказательством поспешности провозглашения «конца истории» стала неспособность США устранить угрозу со стороны т.н. «реакционных государств» – впоследствии названных «государствами-изгоями», – которые были определены Белым домом на роль главного врага в начале 1990-х гг.¹ Вашингтону удалось лишь сузить круг «изгоев» в годы правления Дж.Буша-мл. с помощью свержения режима С.Хусейна и заключения сделки с диктаторским режимом М.Каддафи, который в обмен на обещание США не вмешиваться во внутренние дела Джамахирии добровольно отказался от поддержки терроризма и разработки ОМУ². Однако первый прецедент не смог

¹ Основные положения концепции «изгоев» были озвучены советником У.Клинтона по вопросам национальной безопасности А.Лэйком в сентябре 1993 г. (Remarks of Anthony Lake, Assistant to the President for National Security Affairs. "From Containment to Enlargement", Johns Hopkins University School of Advanced International Studies Washington, D.C.. September 21, 1993). В более развернутой форме концепция была представлена им в хрестоматийной статье «Противостояние «реакционным государствам» (A.Lake, "Confronting Backlash. States," Foreign Affairs 73, 2 (1994), pp. 45–55).

² Авторское объяснение «ливийского прецедента» см.: Бартенев В.И. «Ливийская проблема» в международных отношениях 1969-2008. М.: ЛЕНАНД, 2009.

устрашить, а второй заинтересовать другие государства из «черного списка» настолько, чтобы они вывесили «белый флаг».

Мало изменил ситуацию и приход к власти Б.Обамы, сделавшего вовлечение «изгоев» одной из «визитных карточек» своего президентства. Обращение нового хозяина Белого дома в инаугурационной речи к режимам, «которые держатся у власти благодаря коррупции, мошенничеству и подавлению недовольства», с призывом «осознать, что они находятся “по другую сторону истории”, разжать кулак и встретить протянутую им США руку»³, было проигнорировано. Степень агрессивности поведения таких стран, как Иран, Северная Корея, Судан, Бирма за последние два года не уменьшилась, и вероятность эскалации международной напряженности вокруг них остается крайне высокой.

Важно и другое. Осуществив разрыв с «превентивным» наследием своего предшественника и перестав употреблять термин «государства-изгои», Б.Обама не подверг сомнению главное положение сформулированной А.Лэйком в совершенно иных геополитических условиях концепции. Как следует из приведенной цитаты, американский лидер продолжает мыслить в категориях исключения узкой группы стран из «семьи наций» на основе их «ренегатства» и нежелания соответствовать принятым нормам. Именно это концептуальное «допущение», навевающее ассоциации с «цивилизационным стандартом» колониальной эпохи⁴, представляет наибольший интерес с теоретической точки зрения.

Наличие ярко выраженной социо-правовой компоненты в американской концепции и акцент на «антисистемном» характере поведения «реакционных государств», подразумевавший выработку механизмов их международной изоляции, выводит противодействие «изгоям» за рамки традиционного международного конфликта. Для объяснения характера данного противостояния инструментария и методологии анализа, накопленного школой реализма, оказывается явно недостаточно. Объект изучения требует обращения к парадигмам, активно интегрирующим достижения социологии, правоведения, фило-

³ Obama B. Inaugural Adress, 21 January 2009 [Electronic resource]. //The White House [Official website]. URL: http://www.whitehouse.gov/the_press_office/president_barack_obamas_inaugural_address/ (дата обращения 10.04.2010)

⁴ Подробнее об этом см.: Bowden, Brett. Globalisation and the Shifting 'Standard of Civilization' in International Society. Refereed paper presented to the Jubilee conference of the Australasian Political Studies Association, Australian National University, October 2002. [Electronic resource] //Austalian National University [Official website]. System requirements: Adobe Acrobat Reader. URL: <http://arts.anu.edu.au/sss/apsa/Papers/bowden.pdf> (дата обращения 03.04.2010).

софии права и политики - английской школе международных отношений и конструктивизму. Цель данной статьи – нащупать ключ к анализу проблемы «изгоев» с позиций междисциплинарного подхода через ее рассмотрение как частного случая девиантного поведения в международных отношениях эпохи глобализации⁵.

Феномен девиантного, или отклоняющегося поведения, противоречащего принятым в обществе правовым или нравственным нормам⁶, сегодня изучается широким спектром общественно-научных дисциплин, однако, безусловно, наиболее значительный вклад в его концептуализацию внесла именно социологическая наука. Среди многочисленных социологических объяснений девиантного поведения, наибольшим экспликативным потенциалом для изучения проблемы «изгоев» обладают теория аномии, созданная Э.Дюркгеймом и доработанная Р.Мертоном, а также теория «навешивания ярлыков», или теория стигматизации, наиболее ярким представителем которой является Г.Беккер.

Основоположник социологической теории девиантного поведения Э.Дюркгейм видел главную причину девиации в аномии, или социальной дезорганизации. Под ней он понимал такое состояние общества, когда культурные ценности, нормы и социальные связи отсутствуют или становятся неустойчивыми и противоречивыми, а эффективность их воздействия на индивида утрачивается⁷. Американский социолог Р.Мертон, в свою очередь, развивая положения Э.Дюркгейма, объяснял девиантное поведение разрывом между целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения. В условиях ограниченности возможностей достижения постоянно подчеркиваемых в обществе целей с помощью легитимных средств, индивид начинает использовать незаконные средства, а его поведение приобретает девиантный характер. Р.Мертоном также была предложена типология вариантов индивидуальной адаптации к условиям социальной аномии (конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм и бунт). Наибольший интерес для нас представляет, естественно, последний вариант – бунт, - понимаемый как стремление

⁵ Попытки использования категории «девиантное поведение» в изучении феномена «государств-изгоев» начали предприниматься зарубежными учеными лишь недавно. Среди крупных работ по данной проблеме следует отметить: Geldenhuys D. *Deviant Conduct in World Politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2004; Nincic M. *Renegade Regimes : Confronting Deviant Behavior in World Politics*. New York : Columbia University Press, 2005.

⁶ Социальная психология. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. - М.: ПЕР СЭ, 2006.

⁷ Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова.—М.: Мысль, 1994. Кн.2, гл.5 «Аномичное самоубийство».

изменить систему - отказ как от принятых целей, так и от средств их достижения, и выдвижение новых⁸.

Что касается теории «навешивания ярлыков», то, с точки зрения ее приверженцев, девиация, в действительности, обусловлена не объективным характером поведения субъекта – внутренним содержанием совершаемых им поступков, - а его оценкой окружающими. Статус девианта субъект приобретает только после «навешивания» на него соответствующего «ярлыка» наиболее влиятельными группами общества в процессе *стигматизации*. Это, в свою очередь, создает условия для т.н. вторичной девиации - девиантному поведению, которое вырабатывается у индивида в ответ на санкции со стороны законодательных органов и законопослушных граждан. Ярлык способствует закреплению за индивидом статуса аутсайдера. Всеобщее порицание и изоляция, в свою очередь, сближает стигматизированных индивидов и способствует формированию девиантной субкультуры, принадлежность к которой становится новой формой идентичности для девианта⁹.

Несмотря на принципиальные различия между теориями аномии и «навешивания ярлыков», в которых представлен соответственно объективистский и субъективистский взгляд на девиантное поведение, обе теории могут быть применены к сфере международных отношений и существенно помочь в объяснении феномена «государств-изгоев».

Оформление концепции «изгоев» - стало прямым следствием победы США в «холодной войне» и возникновения иллюзии о «конце истории» - формировании единого глобального сообщества, разделяющего общие либерально-демократические ценности. Стремясь решить взаимно комплементарные задачи заполнения «вакуума угрозы» для оправдания глобального военного присутствия¹⁰ и демаркации границ «цивилизованного» мира с целью укрепления его внутренней однородности, единственная «сверхдержава» отравилась на поиски нового «внешнего врага».

На роль «Другого» после распада «империи зла» была определена, в полном соответствии с логикой Ф.Фукуямы¹¹, узкая группа «ре-

⁸ Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). — М.: Прогресс, 1966.

⁹ Becker H. Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance. N.Y.: Free Press, 1963.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Klare M. The Rise and Fall of the “Rogue Doctrine”: the Pentagon’s Quest for a New Military Strategy. // Middle East Report, No.208. U.S. Foreign Policy in the Middle East: Critical Assessments, Autumn 1998. Pp. 12-15

¹¹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. L: Penguin, 1992. Pp.277-279.

акционных стран», находящихся «за пределами круга демократии и представляющих угрозу государствам, находящимся внутри него»¹²: Иран, Ирак, Северная, Корея, Ливия, Куба. Их отличительными чертами являлись, по мнению А.Лэйка, авторитарная природа правящих режимов, систематическое нарушение прав человека и агрессивная внешняя политика, идущая в разрез с нормами международного права: применение или угроза применения силы, спонсирование терроризма и попытки завладеть ОМУ. Против этих стран, живущих по гоббсианским принципам «войны всех против всех» и не готовых смириться с наступлением «конца истории» США начали проводить политику сдерживания с применением дипломатических, экономических и - в случае наличия прямой угрозы жизненно важным интересам США – силовых методов¹³, попутно упражняясь в искусстве «навешивания ярлыков».

Сначала термин «реакционное государство» (renegade state) был сознательно заменен на «государство-изгой» (rogue state), который широко использовался все 1990-е гг. Затем, в 2000 г. в целях закрепления положительной динамики, наметившейся в это время в отношениях со многими членами «клуба изгоев», было принято политическое решение о введении куда менее уничижительного выражения «государства, вызывающие озабоченность» (states of concern). Наконец, после прихода к власти неоконсерваторов во главе с Дж.Бушем-мл. и терактов 11 сентября 2001 г. термин «государство-изгой» не только был реанимирован, но и дополнен еще более одиозным конструктом «ось зла»¹⁴.

Не прекращавшиеся поиски американским руководством наиболее подходящего «ярлыка» не должны вводить в заблуждение. Необходимость политики стигматизации как таковой под сомнение не ставилась, равно как и идеологические обоснования ее проведения. Руководство США неизменно изображало «изгоев» как представителей низшей касты международной иерархии, которые сознательно отказываются соответствовать утвердившимся в мировом сообществе моральным и правовым нормам. Тем самым оно лишало «девиантов» возможности претендовать на равные с другими суверенными государствами права, черпая необходимые обоснования для их правовой

¹² Lake A. Op.cit. P.45

¹³ Ibidem, Op.46

¹⁴ Подробнее о причинах, стоявших за каждым изменением терминологии см.: Бартенев В.И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США. //Международные процессы. Том 7, номер 1(19). Январь-апрель 2009. С.84-93.

дискриминации в трудах влиятельных либеральных мыслителей и теоретиков международного права, таких как Дж.Роулз¹⁵, Т.Франк¹⁶ и др.

Новая «демонология», пришедшая на смену рейгановской «империи зла», не только позволяла сделать акцент на делинквентном и аморальном характере поведения Врага, но и одновременно обосновать необходимость его международной изоляции. В Вашингтоне были уверены: вступившее в «конец истории» и ощутившее преимущества американского глобализационного проекта мировое сообщество с готовностью воспримет предложенное США объяснение того, кто и почему является «изгоем», и выступит единым фронтом против «отступников». Подобная уверенность основывалась на фантастически успешном опыте «коллективного» сдерживания Ирака и Ливии в 1990-92 гг. Международный консенсус, достигнутый тогда в рамках ООН, являлся символом легитимности американского лидерства в новую эпоху¹⁷. Однако построить на двух прецедентах непротиворечивую социо-правовую концепцию «сдерживания» нового Врага не удалось.

Стигматизация «изгоев» осуществлялась крайне избирательно. Список «изгоев» был исполнен большого количества несоответствий, не позволявших считать «изгоев» отдельным классом международного сообщества. Продиктованные политическими соображениями включение в список Кубы, отказ от включения Сирии и Пакистана и другие несоответствия между списком «изгоев» и официальными критериями «изгойства» создавали впечатление, что членов «клуба» объединяет лишь авторитарность режимов, антиамериканизм и нежелание включаться в процесс глобализации на американских условиях. Впоследствии это ощущение усилило включение «ненависти к США» в расширенный список критериев, озвученный Дж.Бушем-мл. в 2002 г.¹⁸

Избирательный характер политики стигматизации с самого начала вызывал критику со стороны других членов мирового сообщества. Речь шла не только о государствах, которым идея «демократического мира» была чужда и которые сами никогда не переставали восприни-

¹⁵ Rawls J. The Law of Peoples, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

¹⁶ Franck T. Fairness in International Law and Institutions. Oxford: Clarendon Press, 1995.

¹⁷ Clark I. Legitimacy in International Society. Oxford: Oxford University Press, 2005. P.217-220.

¹⁸ G.Bush, Prevent Our Enemies from Threatening Us, Our Allies, and Our Friends with Weapons of Mass Destruction. West Point, New York, June 1, 2002. [Electronic resource]. //The White House [Official website]. URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss5.html> (дата обращения 05.05.2008)

мать США как Другого - Китае и России¹⁹, но и о европейских союзниках Вашингтона – составлявших ядро «а-исторического» общества», из которого Белый дом стремился исключить «изгоев». Из всех союзников США по НАТО американскую концепцию официально приняла лишь Великобритания.

Отсутствие солидарности в мировом сообществе по вопросу о том, кто и почему является изгоем, с самого начала лишало политику стигматизации легитимности. При отсутствии консенсуса внутри СБ ООН любые односторонние действия США рисковали подорвать и без того шаткий идеологический фундамент концепции «изгоев», и кризис вокруг Ирака 2003 г. это доказал. Осуществив вторжение без санкции СБ ООН, США сами выступили в роли девианта, который пошел против воли «семьи цивилизованных наций». Иллюзия существования «международного общества» была развеяна. Ввиду отсутствия более влиятельных акторов на международной арене США, естественно, не приобрели статус «изгоя», который так старательно стремились присвоить им Н.Чомски, У.Блум и некоторые другие политологи задолго до вторжения в Ирак²⁰. Однако политика стигматизации «государств-изгоев» как девиантных/делинквентных акторов фактически утратила смысл. Делинквентное поведение США, вызвавшее крупнейший кризис легитимности американского лидерства²¹, не только снизило правоспособность США «навешивать ярлыки», но и усилило аномию в международной системе, в которой кроется одна из причин девиантного поведения «изгоев».

Каждое из «проблемных государств», подвергавшихся стигматизации со стороны США, имеет свою уникальную историю девиантного поведения, корни которой в большинстве случаев (за исключением Судана и Бирмы) уходят глубоко в эпоху «холодной войны». Выработать единую схему, способную объяснить их переход к систематическому и сознательному нарушению международно-правовых норм, вряд ли возможно. Однако, политика «двойных стандартов» и

¹⁹ В 1990-е гг. Кремль предпочитал замалчивать свою позицию по данному вопросу, но с приходом к власти В.В.Путина российские официальные лица стали выражать свое несогласие вполне открыто: «Мы не сторонники термина "государства-изгой". Мы против того, чтобы говорить об "оси зла". Мы предпочитаем говорить о "дуге напряженности", которая возникла от Филиппин до Косово... Конечно, проблема международного терроризма существует, но это не значит, что надо клеить произвольно ярлыки» (Пресс-конференция министра обороны С.Иванова, //Независимая газета, 12 февраля 2002 г. [Electronic resource]. URL: <http://news.ng.ru/2002/02/12/1013510694.html> (дата обращения 17.07.2008).

²⁰ Chomsky N. Rogue states//_Z_magazine, April, 1998. Rogue states: The role of force in world affairs. South End Press, 2001.; См. также: Herman E.S. Global Rogue State//_Z_magazine, February, 1998; Blum W. Rogue State: A Guide to the World's Only Superpower. Common Courage Press, 2000.

²¹ Подробнее об этом см.: Tucker R., Hendrickson D. The Sources of American Legitimacy. //Foreign Affairs, November-December, 2004. Pp.18-32.

преобладание «права силы» над «силой права», несомненно, служит дополнительным стимулом к «бунту» «изгоев» против системы, если пользоваться типологией Р.Мертон.

Чтобы понять это, достаточно лишь перечислить наиболее яркие проявления системной аномии, имеющие непосредственное отношение к проблеме «изгоев». В их числе можно назвать: признание Международным Судом в 1998 г. инициированного США и Великобритании в обход норм международного права режима санкций против Ливии нелегитимным; «превентивную войну» против Ирака; отсутствие стигматизации Израиля; Индии и Пакистана как стран-пролиферантов; чудовищные нарушения прав человека в контртеррористической политике США. Соответственно, возникает вполне закономерный вопрос: если «гаранты» правопорядка сознательно и систематически нарушают нормы, то почему государства, стоящие на более низкой ступени международной иерархии должны вести себя «нормально» в своем стремлении к достижению социально одобряемой цели – обеспечении суверенитета и национальной безопасности?

Это подводит нас к мысли о том, в условиях системной аномии статус каждого отдельно взятого государства зависит не столько от степени соответствия его политики нормам международного права, сколько от того, окажется ли он достаточно сильным, а США, в свою очередь, достаточно слабыми для признания девиантного/делинквентного поведения нормальным. Это зависит как от самого делинквента, так и от США. Речь идет о том, сможет ли американский политический истеблишмент мобилизовать мировое сообщество на борьбу с «изгоями» в условиях смены мирового порядка.

Формирование контуров многополярного мира ставит вопрос о жизнеспособности идей, положенных в основу концепции «государств-изгоев», и их соответствии новым реалиям. Одним из ключевых последствий политики стигматизации «изгоев» стало их сближение друг с другом (Венесуэлы с Кубой, Бирмы с Северной Кореей, Ирана с Сирией) и с «восходящими державами» - Россией, Китаем, Бразилией, Турцией²². Сотрудничество последних с «изгоями» продиктовано прагматическими интересами, которые все более заметно противоречат национальным интересам США и является прекрасной возможностью расширения сферы влияния, позволяющей извлечь огромные экономические и геостратегические дивиденды с минималь-

²² Данное сближение подтверждает одно из ключевых положений теории «навешивания ярлыков» о формировании «отверженными», стигматизированными индивидами «девиантной субкультуры».

ными рисками²³. С одной стороны, при отсутствии экономических и военно-политических контактов с США «проблемные страны» представляют собой редкие «белые пятна» на карте, где «восходящие державы» не должны бороться за влияние с Вашингтоном. С другой стороны, из-за ослабления совокупной мощи США, Вашингтон явно не обладает достаточными ресурсами для того, чтобы заставить «восходящие державы» свернуть контакты с «изгоями».

De facto ни одно из государств, подвергающееся стигматизации со стороны США не находится в изоляции. Бирма является членом АСЕАН, Куба была совсем недавно восстановлена в ранге полноправного члена латиноамериканского сообщества, Иран более чем активно сотрудничает с Китаем, Россией, странами ЕС, Северная Корея получает помощь от Китая. Это не означает, что «изгоев» больше нет. Парадокс феномена «изгоев» и еще один аргумент в пользу применимости теории «навешивания ярлыков» к его изучению состоит в том, что пока степень «влиятельности» США остается достаточно высокой для того, чтобы изгои не могли обрести равный с другими членами мирового сообщества статус.

Однако все говорит о том, что этот переходный период не продлится вечно. Многополярность (как и биполярность) подразумевает разделение мира на сферы влияния, а глобального общества на субглобальные, если использовать термин, предложенный Б.Бузаном²⁴. Конечно, новая структура международных отношений будет неизмеримо более сложной, чем в эпоху «холодной войны», когда «русские и американцы воспринимали друг друга как изгоев и еретиков, а не как «членов одного международного сообщества»²⁵, и когда «исключение» существовало в форме обоюдного отрицания альтернативной концепции общественного развития. «Большие сообщества» не будут автаркичными ни в экономическом, ни в политическом смысле, однако о политике стигматизации в глобальном масштабе, скорее всего, придется забыть.

²³ Mousavizadeh N. End of the Rogue. // Newsweek, 8.02.2010. [Electronic resource] URL: <http://www.newsweek.com/id/232796> (дата обращения 05.04.2010).

²⁴ Buzan B. From International to World Society: English School Theory and the Social Structure of Globalisation. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P.218-219.

²⁵ Bull H. The Anarchical Society: Study of Order in World Politics. Palgrave: Houndsmills, Basingstoke Hampshire, New York, 2002. P.41.

Список литературы

1. Бартенев В.И. Концепция «государств-изгоев» во внешней политике США. //Международные процессы. Том 7, номер 1(19). Январь-апрель 2009. С.84-93.
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд/Пер, с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова.—М.: Мысль, 1994.
3. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). — М.: Прогресс, 1966.
4. Харкевич М. В. Государства-изгои как образ "другого" в мировой политике. //Полис, №4, 2009. С.99-110
5. Becker, Howard. Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance. New York: Free Press. 1963.
6. Bull H. The Anarchical Society: Study of Order in World Politics. Palgrave: Houndsmills, Basingstoke Hampshire, New York, 2002
7. Buzan B. From International to World Society? English School Theory and The Social Structure of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
8. Clark I. Legitimacy in International Society. Oxford: Oxford University Press. 2005.
9. Geldenhuys D. Deviant Conduct in World Politics. New York: Palgrave Macmillan, 2004.
10. Franck T. Fairness in International Law and Institutions. Oxford: Clarendon Press, 1995.
11. Fukuyama Francis. The End of History and the Last Man. New York: Avon, 1992
12. Hoyt P. "Rogue States" and International Relations Theory. The Journal of Conflict Studies, Vol. XX, No. 1. 2000
13. Klare M. Rogue States and Nuclear Outlaws : America's Search for a New Foreign Policy. New York : Hill and Wang, 1995.
14. Lake A. Confronting Backlash States //Foreign Affairs 73, 2 (1994), pp. 45–55.

15. Litwak R. Rogue States and U.S. Foreign Policy : Containment After the Cold War. Washington, D.C. : Woodrow Wilson Center Press ; 2000.
16. Nincic M. Renegade Regimes : Confronting Deviant Behavior in World Politics. New York : Columbia University Press, 2005.
17. Rawls J. The Law of Peoples, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.
18. Saunders E. Setting Boundaries: Can International Society Exclude "Rogue States"? — International Studies Review, vol. 8, № 1, 2006.
19. Simpson G. Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereign in the International Legal Order. Cambridge University Press: Cambridge, 2004.
20. Tucker R., Hendrickson D. The Sources of American Legitimacy. //Foreign Affairs, November-December, 2004. Pp.18-32.

Различные подходы к типологии участников международных отношений

Вдовиченко Л.Н.

Понимание вопроса о том, кто является современным участником международных отношений, во многом определяет тот угол зрения, под которым следует изучать сами международные отношения. С одной стороны ответ на этот вопрос уже получен многими исследователями международных отношений у нас в стране и за рубежом. Они относят к участникам международных отношений «те действующие лица, активность которых выходит за рамки одного государства и которые, вследствие этого, участвуют в трансграничных отношениях и коммуникациях»²⁶.

Специалистами в России и за рубежом используются различные термины: актор, субъект, агент, политическая единица для обозначения участника международных отношений, учитывая различные его способности: действенности, самостоятельности, стратегичности и т.п.

Как мне представляется, первоначальный термин, который должен использоваться, не должен быть наделен значениями интенсивности тех или иных качеств, поскольку тогда мы попадаем в ловушку оценочных суждений и отсекаем от международной среды тех, кто, с точки зрения тех или иных специалистов получает низкие оценки. В качестве аргумента можно привести, например, Альберта Эйнштейна, который, если бы его оценивали в первой части его жизни, получил бы нулевой рейтинг как актор или субъект, но своими открытиями оказал огромное влияние на систему международных отношений XX века, которая фактически перешла в новое качество.

Определения международных акторов, которые делались известными западными учеными (такими, как М. Каплан, А. Каплан и некоторые другие) в XX веке, уже не отражают колоссальных изменений, которые произошли за последние десятилетия. С моей точки зрения, было бы целесообразнее придерживаться более нейтрального терми-

²⁶ «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты. – М.: «Голден - Би». 2008. С. 31.

на, позволяющего отнести всех в той или иной мере оказывающих влияние на международные отношения. Таким нейтральным термином является «участник международных отношений» - понятие, которое наиболее часто употребляется в российской науке.

Как социолог хочу отметить, что в отличие от политологии для социологии международных отношений определение их участников необходимо, прежде всего, в прикладных целях для проведения эмпирических исследований. Поэтому оно должно быть более операциональным, чем, например, в теории международных отношений. Ведь социологам, которые готовят исследование и формулируют гипотезы, необходимо четко определить, какие реально действующие единицы принимаются за объект их исследования в международных отношениях.

Дело в том, что в конце 2-го – начале 3-го тысячелетия в мире произошли эпохальные перемены, которые привели многих социологов к выводу о том, что уровень взаимодействия рядовых граждан становится ареной большой истории. При этом каждый из участников взаимодействия способен повлиять на его ход и направление. Мировая социология в этих условиях становится областью исследования механизма протекания социальных процессов в переплетении бесчисленных линий взаимодействия конкретных индивидов. (Такого подхода к предмету социологии придерживаются и некоторые отечественные социологи, например, С.А. Кравченко, Н.Е. Покровский). То есть в социологии происходит движение в сторону признания человека как главной движущей силы процессов, идущих на всех уровнях взаимодействия: локальном, внутристрановом (региональном и федеральном), в международных отношениях и даже глобальном уровне. Эти реалии находят отражение и в динамике подходов к определению участников международных отношений.

Какие же в этих условиях можно предложить подходы к классификации участников международных отношений?

При всем уважении к представителям школы «политического реализма» (Г. Моргентау, А. Уолферс и др.), их подход к акторам международных отношений, главными из которых они считали суверенные государства, рационально действующие однородные политические организмы, унитарные образования, проводящие единую политику в отношении других государств, скорее подходил к прошлому веку. Ведь в XXI веке государства уже утратили монополию среди участников международных отношений.

Все большую роль в современных международных отношениях играют наднациональные организации. Мобильные факторы производства, такие как труд, капитал, технологии, все больше становятся интернациональными. Земля, сырьевые ресурсы, хотя и остаются под национальной юрисдикцией, в случае передачи их в собственность иностранным транснациональным компаниям также частично уходят из-под национального управления²⁷.

Укрепление наднациональных механизмов регулирования международных отношений тесно связано с процессом фактической эрозии национального экономического суверенитета. Тенденции развития мировой экономики ставят современное государство перед проблемой управляемости того сегмента его экономики, который становится наиболее интернациональным. При этом возникает иное качество влияния таких механизмов на государство, чем, например, осуществлялось со стороны традиционных международных организаций, куда государства добровольно передавали часть своих суверенных полномочий (например, в ООН и т.п.).

До возникновения надгосударственных форм регулирования государство имело решающий голос в определении параметров и принципов взаимодействия с другими государствами не только на межгосударственном уровне, но и в рамках международных организаций. В настоящее время все активнее дает о себе знать новое явление, когда наднациональные и транснациональные организации усиливают влияние на государство в соответствии со своими интересами, которые могут не согласовываться и даже противоречить национальным интересам государства или даже нескольких государств. Так, например, транснациональная корпорация «Боинг» делает совместные разработки со странами, в отношении которых продолжают действовать поправки американского законодательства о запрете передачи высокотехнологичных технологий (что может негативно сказаться на состоянии национальной безопасности США). Но «Боинг» предпочитает платить штрафы за нарушение законодательства, но продолжать такое сотрудничество, так как прибыли, получаемые от него, превышают размеры штрафов. Таким образом, интересы «Боинга» вступают в противоречие с интересами американского государства.

Транснациональная корпорация IBM, получая в течение дня медицинские анализы, сдаваемые в английских клиниках, передает их в

²⁷ Зуев В.Н. Феномен наднационального хозяйственного механизма Европейского союза. – Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ. 2007. С. 26.

течение ночного времени на обработку индусским компьютерщикам, поскольку их зарплата в Индии меньше, чем в Великобритании и других развитых западных странах. Это лишает рабочих мест компьютерщиков этих стран и мешает реализации программ по борьбе с безработицей, на которые отпускает деньги британское и иные государства. Но IBM продолжает вести такую политику, так как это соответствует её интересам. И таких примеров можно привести множество. При этом их количество перерастает в новое качество, когда наднациональные и транснациональные участники международных отношений, вращаясь по различным орбитам международного взаимодействия, создают своеобразный «астероидный пояс», попытки проникновения в который для некоторых государств и их представителей либо весьма затруднительно, либо иногда оканчивается плачевно. Это особенно касается таких высокодоходных, а иногда и криминальных сфер, как торговля оружием, наркотиками, «человеческим товаром» и т.п.

Таким образом, можно констатировать, что наднациональные и транснациональные организации превращаются в таких участников международных отношений, действия которых могут не только не определяться непосредственными руководителями какого-то отдельного государства, но и оказывать заметное влияние на различные сферы его экономики, политики и даже социальных отношений.

Как считают некоторые специалисты у нас и за рубежом, при сохранении основных правовых атрибутов национального суверенитета фактически он будет взламываться экономическими пружинами изнутри посредством все большей интернационализации всех сфер жизни²⁸. В процессе транснационализации экономики и глобализации, особенно в последние годы в условиях мирового кризиса, многие экономические процессы (торговля, инвестиции, услуги, научно-техническая, инновационная деятельность и т.п.) выходят из-под контроля властных национальных структур – государств со всеми их атрибутами.

Вместе с тем, этому процессу есть естественное объяснение. В новых условиях и рамках развития современной мировой экономики именно наднациональное регулирование (а не государственное или межгосударственное) становится более адекватным по эффективно-

²⁸ Зуев В.Н. Феномен наднационального хозяйственного механизма Европейского союза. С. 247.

сти средством управления экономикой, а иногда и другими сферами общественной жизни.

Национальное регулирование экономикой имеет свои ограничения и определенные рамки. Например, оно должно учитывать настроения электората перед выборами, принимать во внимание национальные приоритеты развития и многое другое. Вместе с тем, стремительность развития многих процессов, как это показал недавний мировой кризис, требует введения многих быстрых иногда жестких мер, которые вызывают, мягко говоря, «нерадостную» реакцию некоторых слоев населения в разных странах. Поэтому некоторые наднациональные организации, например, ЕС вводили такие меры, даже несмотря на сопротивление отдельных государств.

Суверенное государство, как особенно явно показала последние два года, теряет контроль над наиболее транснациональной частью своей экономики. Первой реакцией государства на эту тенденцию являются попытки укрепления системы контроля, развития государственной вертикали, создания дополнительных рычагов воздействия на экономику, повышения протекционистских барьеров и т. п. Но эти меры оказываются, в конечном счете, неэффективными. Все равно происходит увеличение вывоза капитала за рубеж, открытие оффшоров, управление компаниями из-за пределов страны и тому подобные явления. Следующим шагом является обращение государства за помощью к международным структурам, чтобы обуздать эти не устраивающие его тенденции эрозии его суверенитета, что мы наблюдаем в последние годы. Однако, традиционные межгосударственные методы управления, которые применяются в международных организациях, оказываются малоэффективными. Поэтому некоторые государства и наиболее продвинутые специалисты приходят к мнению, что в современных условиях кончилась эпоха «абсолютно суверенных» государств как участников международных отношений и пришло новое время, когда государства вынуждены делиться частью своего суверенитета. Это происходит либо добровольно, либо фактически этот суверенитет от государства переходит к другим участникам международных отношений.

Неслучайно, что движение в сторону наднациональности наблюдаются в последние годы и в рамках такой традиционной межгосударственной организации, как ООН. Это, например, проявляется в экономических санкциях, принимаемых ООН вопреки воле отдельных государств (Ирак, Иран), деятельности международного трибу-

нала, введении миротворческих сил в различные регионы мира, деятельности МАГАТЭ по контролю над развитием программ атомной энергетики. Все чаще внедряются в международных отношениях механизмы мягкого и жесткого принуждения. Неслучайно появление такой формы, как «принуждение к миру» и соответствующих сил, которые этим призваны заниматься.

Важную роль в усилении и ускорении этого процесса играют современные **информационно-коммуникативные каналы** (особенно Интернет). Капиллярная сеть современных электронных коммуникаций пробивает все барьеры, которые построили на протяжении столетий государства, чтобы защитить свои интересы от внешнего мира, «отгородить» своих граждан от влияния чужих идеологий, чужого образа жизни, политической культуры и т.п.

Государства перестали быть однородными политическими организациями и унитарными образованиями. Современные государства состоят из множества институтов, практически каждый из которых выходит во внешнюю среду со своими интересами.

Кроме государственных институтов, в международных отношениях участвуют партии и движения, частный бизнес, средства массовой информации и коммуникации, и большое количество людей на индивидуальной основе. Говорить при этом о единой политике государства было бы большой натяжкой.

Как мне представляется, определенную помощь в классификации участников международных отношений, могут оказать современные представления о **политической системе** общества. Практически общепризнано, что ее подсистемами являются как **государственные институты**, так и **негосударственные объединения**. Каждый из государственных институтов и негосударственных объединений может участвовать в международных отношениях. Существуют их типичные классификации. В государственных институтах обычно выделяют институт главы государства, исполнительную власть, представленную правительством, министерствами и ведомствами, законодательную власть, представленную одной или двумя палатами парламента, судебную власть (Конституционный суд, Верховный суд, Арбитражный суд и др.), региональные органы власти (исполнительной, законодательной). Кроме того, существуют местные органы власти (или органы местного самоуправления). Все перечисленные государственные институты могут войти как составная часть в типологию участников международных отношений.

Негосударственные объединения включают в себя **общественные организации и частные объединения**. **Общественные организации** в свою очередь представлены такими основными типами, как **партии и движения**. **К частным объединениям**, участвующим в политике или влияющим на неё, относятся **«группы интересов»**, **«группы давления»** и **«лобби»**. Перечисленные типы негосударственных объединений могут также быть включены в типологию участников международных отношений.

Кроме собственно политических участников, все большее значение в международных отношениях нового тысячелетия играют экономические и финансовые организации (фирмы, концерны, банки, как национальные, так и транснациональные). Ведь международные отношения включают в себя не только политические, но и экономические составляющие, значение которых возрастает. Когда делегация Совета Национальной Безопасности в период президентства Дж. Буша (младшего) приезжала в Российскую Федерацию для переговоров, неоднократно кроме проблем безопасности представители СНБ навязывали рассмотрение вопросов возобновления или расширения поставок в Россию куриных окорочков. Экономические организации не только используют государственные структуры для достижения своих целей в зарубежных странах, но и напрямую выходят на нужные для реализации их интересов организации в зарубежных странах.

Более важную и независимую роль в международных отношениях стали играть **научные, исследовательские и экспертные организации**. Некоторые результаты их исследований и рейтинги, даваемые государствам по различным проблемам, могут влиять на отношения с ними. Поэтому ведущие научные, исследовательские и экспертные организации также можно включить в типологию участников международных отношений.

Средства массовой информации и коммуникации (бумажные и электронные) играют в современных международных отношениях возрастающую роль. К ним относятся ведущие газеты, журналы, радио, телевидение и, конечно, интернет. Интернет вообще преодолевает государственные границы, превращая международные отношения в сплошной **поток общения** людей и организаций. Это придало международным отношениям два новых качества.

Раньше для того, чтобы пообщаться с гражданином другой стороны, необходимо было подняться по иерархии государственных структур и получить визу или иную форму разрешения на такое об-

щение (Международные отношения в основном были иерархическими). Сейчас же коммуникации между людьми и организациями в международных отношениях в значительной мере приобрели **сетевой характер**. Но сеть определяет схему коммуникаций, а ее содержание характеризует **поток**. Поэтому вторым новым качеством современных международных отношений является их **поточковый характер**.

В заключение хотелось бы отметить еще одну важную тенденцию - развитие процесса гуманизации международных отношений, в ходе которого **качественно изменяется роль человека** в международной среде.

Во-первых, участие людей в международных отношениях становится настолько массовым, что может приводить к изменению направленности и содержания межгосударственных отношений. Неслучайно, еще в Хельсинкском заключительном акте СБСЕ была часть, посвященная контактам между людьми, которая получила название «третья корзина». ОБСЕ всегда уделяла большое внимание анализу продвижения всех стран, участвующих в Хельсинкском процессе, по человеческому направлению.

Во-вторых, некоторые люди оказываются в центре принятия решений, от которых зависит судьба не только их государства, но многих народов и даже человечества. Поэтому совершенно естественно, что человек как личность, а также различного рода объединения людей необходимо включать в типологию участников международных отношений.

В принципе, тематика, связанная с пониманием существующих тенденций и перспектив расширения системы участников международных отношений и их типологии, остается открытой и для дискуссий и для расширения научных исследований, потому что они составляют базовую составляющую современной международной реальности.

Психология принятия внешнеполитического решения

Винокуров В.И.

Формирование внешней политики, в котором участвуют многие акторы, является сложным процессом. Ключевой его элемент состоит в выработке и принятии внешнеполитических решений, характер которых зависит от многих факторов. Это и географическое положение государства, и наличие военной и экономической мощи, а также культурных и исторических традиций; это и тип политической системы, и социальная структура общества, а также индивидуальные особенности политических лидеров.

С другой стороны, независимо от структуры внешнеполитического механизма и алгоритма принятия политических решений в основе любого решения лежит достоверная информация. Человечество давно знает, что успех любой практической деятельности определяется множеством факторов и прежде всего качеством её информационного обеспечения. Пренебрежение информацией или её недостаток непременно ведут к просчетам и поражениям. В Ветхом и Новом заветах, древних эпосах, мифах и сказаниях многих народов мы находим немало примеров того, что боги праведникам и героям помогали главным образом путем передачи им информации.

Достоверность информации, используемой в процессе принятия государственных решений, чаще всего определяется интуицией получающего сведения лидера. Здесь властвует избирательное прочтение субъектом информации о проблеме. Многие руководители государства способны в небольшом факте увидеть проявление некоей общей политической или социально-экономической тенденции.

Принципиальное значение имеет и уважение лидера к источнику сообщений. Это особенно важно подчеркнуть, поскольку в аппарате постоянно проявляется тенденция к приукрашиванию ситуации, подгонке сведений под симпатии лидера. Достаточно ещё раз вспомнить, как начальник Разведывательного управления Красной Армии Ф.И. Голиков в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в. намеренно искажал донесения разведчиков, чтобы они согласовывались с пониманием Сталиным стратегической ситуации в стране и мире. Тем же грешил и ближайший соратник Сталина Л.П. Берия.

Атмосферу парадности, идеализации действительности (на основе её фальсификации) поддерживали и другие администраторы того времени. Так, в 50-е гг. начальник Центрального статистического управления И. Старовский перед партийными пленумами несколько раз менял цифры отчетности в нужную сторону, чтобы подтвердить партийные обещания. В результате таких комплиментарных действий государственные руководители утрачивали контроль за необходимой им информацией, а, следовательно, не всегда могли принять правильное решение.

Важное значение имеет информационный плюрализм (см. рис. 1), который дает возможность лидеру видеть ситуацию под разными углами зрения, что способствует поиску разнообразных и неординарных подходов к выработке решения. Одной из самых существенных проблем на этом этапе является борьба с дезинформацией. Отсечение ложных суждений, мнений, констатации и иных подобных сообщений оберегает управленческие органы от тяжелых последствий неверно принятых решений. Существенными — прежде всего с точки зрения правовых последствий для государственных органов — являются поиск и дальнейшее использование информации, полученной из конфиденциальных источников, в т.ч. по линии спецслужб. К сожалению, такая информация, имеющая порой существенное значение, может быть с трудом интегрирована в государственные решения, предполагающие правовые последствия и публичные формы функционирования.

Ряд исследователей подчеркивают, что управляющие «должны придавать приоритетное значение сбору и обработке «классифицированной», «закрытой» информации»²⁹.

²⁹ Балдин К., Воробьев С. Управленческие решения. М., 2004.

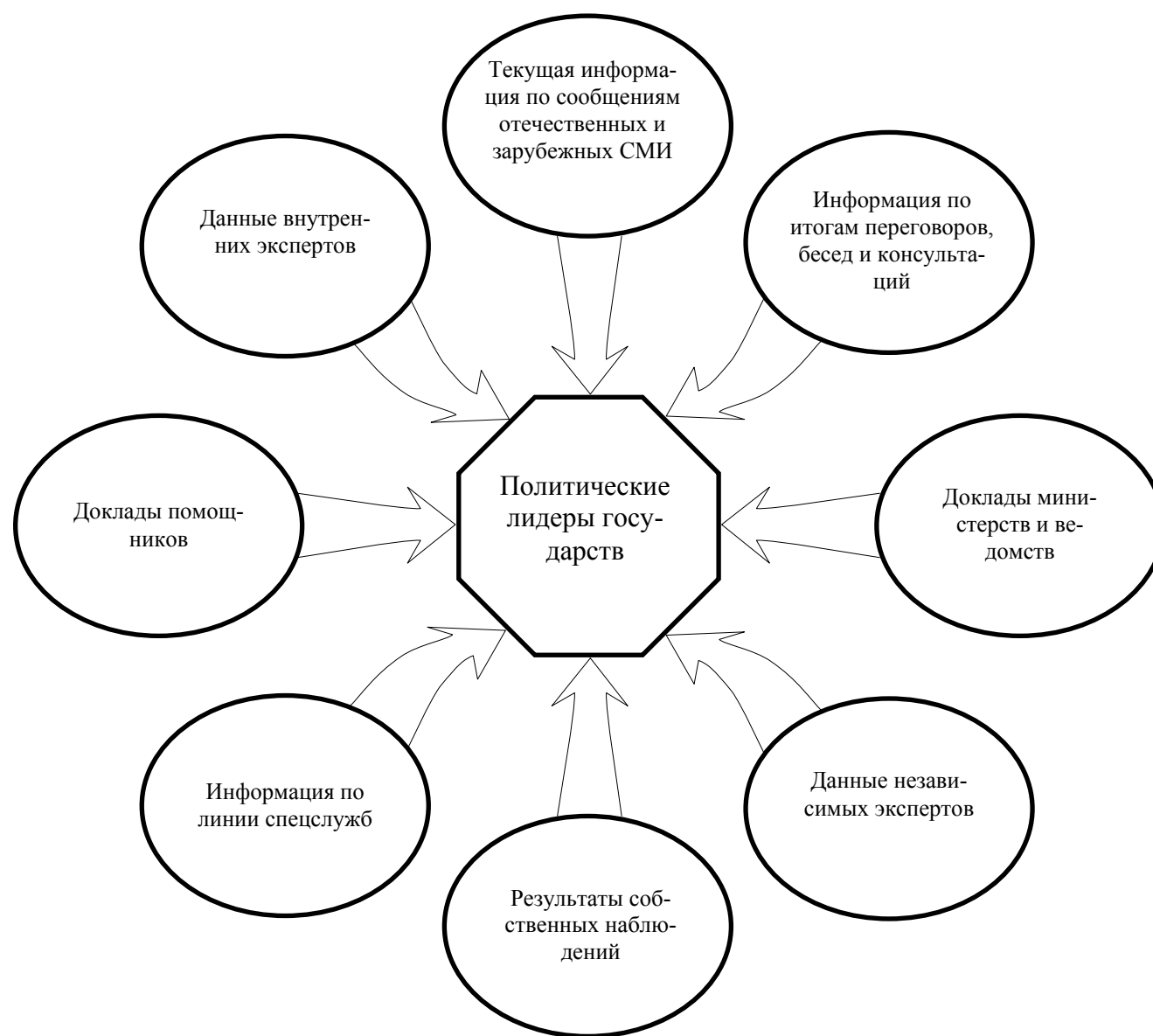

Рис. 1. Способы и направления получения лидером управленчески значимой информации.

При этом необходимо уметь не только отобрать, но и преподнести важную информацию руководителю в способной заинтересовать его форме. Такая информация должна быть краткой и конкретной, упреждающей, достоверной и своевременной. Аналитику «надо иметь гражданское мужество точно следовать правде, говорить или отражать правду, какой бы горькой она ни была. Нужно смело отстаивать свое мнение, если оно подтверждается доказательствами»³⁰.

Значение информационной лидерской системы состоит и в том, что высшие руководители способны — особенно в авторитарных и тоталитарных государствах — замыкать на себе все первоисточники политической информации, устанавливая при этом строго дифференцированную систему ознакомления работников со сведениями. Установление и ужесточение режима секретности путем искусственно создаваемого дефицита информации может нарушать функционирование всей системы принятия решений. Например, в СССР ряд государственных руководителей вплоть до XX съезда партии считали, что их намеренно обманывали, не давая всей необходимой информации о развитии общества и государства. Известно, к примеру, что Сталин не информировал высшие партийные круги даже о подписанных им секретных дополнительных протоколах к советско-германским договорам 1939 г.

При такой атмосфере в государстве рекомендации первых лиц рассматриваются и используются в аппарате управления как не подлежащие проверке. Поэтому в те годы политические рекомендации не просто ложились в основание экономических решений, а сами становились такими решениями. В результате макроэкономические критерии не учитывались при разработке целей, что деформировало всю систему принятия государственных решений.

Это означает, что система лидерской власти может блокировать информацию, необходимую для функционирования всей системы принятия решений, участия в ней как специализированных, так и гражданских структур. Если источникам информации не удаётся доказать правоту своих докладов, то ответом на такие действия становится массовое распространение слухов и домыслов, которые в свою очередь становятся фактором формирования информационного климата принятия государственных решений.

³⁰ Семенов Б.И. Особенности информационно-аналитической работы государственных структур в области внешней политики. МГИМО, 2003. С. 21.

С учётом сказанного попытаемся проанализировать психологию принятия внешнеполитического решения на фоне двух известных исторических событий: Карибского кризиса 1962 г. и событий вокруг Афганистана в конце 1979 г. с участием двух основных источников информации - дипломатии и разведки.

В истории российской дипломатии и разведки было много примеров, когда нашим дипломатам и сотрудникам спецслужб удавалось установить прочные конфиденциальные связи с главами государств и правительств, видными политическими и общественными деятелями, от которых поступала важная информация.

Вот как оценивает сегодня на примере событий 1962 г. вокруг Кубы важность конфиденциального канала видный советский посол А.Ф. Добрынин:

«Оценивая в целом карибский кризис, хотел бы отметить его значение для последующего развития советско-американских отношений - он убедительно показал опасность прямого военного столкновения двух великих держав, которая была предотвращена - на грани войны - лишь быстрым и мучительным осознанием обеими сторонами катастрофических последствий такого столкновения. Именно в силу этого упор был сделан на политическое решение конфликта, чему в немалой степени помогло наличие прямого конфиденциального канала между руководителями обеих стран. Даже сейчас, много лет спустя, это совместное решение можно считать моделью успешного управления кризисом. Стало ясно, что третьей мировой войны можно избежать.»

Кубинский кризис имел важные долговременные последствия. Оба правительства, оба лидера Хрущев и Кеннеди, вольно или невольно стали осознавать большую опасность возможности повторения такого кризиса, в котором они прямо противостоят друг другу. Более того, они осознали необходимость ослабления напряженности после урегулирования кризиса. В течение следующего 1963 года был подписан ряд соглашений между Москвой и Вашингтоном, включая договор о частичном запрещении ядерных испытаний и соглашение об установлении „горячей линии“ (прямой связи) между обеими столицами.

Кризис дал обоим правительствам и лично мне как послу хороший дипломатический урок: сохранение негласных контактов между противоборствующими сторонами, особенно в период острых кризисов, имеет большую ценность. Я не берусь предсказывать, чем бы мог закончиться кубинский кризис, если бы не было тогда таких контактов. Во всяком случае последствия могли бы быть самыми катастрофическими...»³¹

Ниже следует его же оценка конфиденциального канала Добрынин - Киссинджер, который действовал между Москвой и Вашингтоном во время правления Р. Никсона (1968-1974):

³¹ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., 1996. С. 78-80.

«Оглядываясь назад, могу уверенно сказать, что без такого канала и его конфиденциальности не были бы достигнуты многие ключевые соглашения по сложным и противоречивым вопросам, не снималась бы оперативно опасная напряженность. Берлин, Куба, Ближний Восток, основные соглашения по ограничению стратегических вооружений, наконец, все деликатные переговоры по подготовке встреч на высшем уровне - все это шло через конфиденциальный канал»³².

И далее:

«Ведение переговоров по конфиденциальному каналу позволяло руководству обеих стран вмешиваться и развязывать узлы по принципиальным спорным вопросам, преодолевая таким образом возникавшие разногласия. Вместе с тем переговоры на двух уровнях порой вносили определенную путаницу и недоразумения в общий переговорный процесс. Особенно это проявлялось на американской стороне, где все нити ведения переговоров находились в руках Киссинджера, и даже при всем его умении и организаторском таланте он просто не был в состоянии единолично охватывать все детали и нюансы переговоров. Порой это вызывало недовольство в американской делегации, которую он держал на голодном пайке в отношении информации, проходившей по конфиденциальному каналу. По существу, в таком же положении находилась и советская делегация»³³.

Следует отметить также тот факт, что достоверная информация не всегда учитывается в должной степени лицами, принимающими решения как на политическом, так и на военном уровне. Наиболее наглядным примером тому является факт крайне субъективной оценки информации об обстановке вокруг Афганистана накануне ввода советских войск в эту страну, полученной из различных ведомств военно-политическим руководством СССР. Вот как, например, по словам известного дипломата Олега Гриневского, оценивала ситуацию вокруг Афганистана осенью 1979 г. советская военная разведка:

«... как оценивала действия США советская разведка? Если суммировать, её оценка сводилась к следующему. Убегая от иранской революции, ЦРУ перенесло свою региональную штаб-квартиру из Тегерана в Пакистан. Там разрабатываются планы устранения правительства Тараки и делается ставка на подрыв строя изнутри, используя тайные связи с феодальными и другими реакционными силами... По данным военной разведки, к концу 1979 года на территории Афганистана действовали около 40 тысяч мятежников – командный костяк был переброшен из Пакистана.

Тогда же, в начале 1979 года, советский военный атташе полковник А. Баранов (фамилия указана ошибочно, правильно А. Баранаев – В.В.) сообщал из Кабула: «В последнее время в деятельности американских официальных и частных организаций в ДРА произошли определённые изменения: существенно

³² Там же. С. 187-188.

³³ Там же. С. 190.

преобразовалась деятельность Американского культурного центра в Кабуле, который значительно увеличил число слушателей на языковых курсах, систематически проводит кинопросмотры, лекции. Необычайно активизировалась деятельность смешанной англо-американской авиакомпания «Ариана». По инициативе американцев из США прибыла большая группа специалистов авиакомпании «Дуглас», владеющая дари и пушту, знающая восточные обычаи...»

Советские спецслужбы предупреждали, что за всей этой активностью ЦРУ стоит замысел развернуть в Афганистане базу слежения за советскими ракетно-космическими испытаниями, которую американцам пришлось срочно убрать из Ирана, когда там произошла исламская революция»³⁴.

И ни слова о необходимости применения силовых методов. А вот отношение О. Гриневского к процессу принятия решения относительно ввода советских войск в Афганистан.

«...разобщенность советских ведомств, работавших в Афганистане, не позволяла им выработать единую эффективную программу выхода из сложившегося кризиса.

Прежде всего это касалось представителей трёх ведущих ведомств – Министерства обороны, КГБ и международного отдела ЦК. Они сами могли влиять на обстановку, обладая огромным штатом и собственными каналами шифросвязи. Формально деятельность всех ведомств координировал посол Пузанов, но только формально...

Заместитель резидента КГБ в Кабуле Морозов сетовал, что информация, посылаемая представителем ЦК, имела в Москве больший вес, чем сообщения разведки»³⁵.

В конце своих размышлений О. Гриневский ставит вопрос: «Почему же было принято фатальное решение о вводе войск в Афганистан?» И ссылаясь на секретаря ЦК КПСС Б.Н. Пономарёва, пытается ответить на него:

- Наше руководство было всерьёз обеспокоено возможностью появления на юге ещё одного недружественного нам режима. Боялись новых ракет, нацеленных на нас. Ввели войска для предотвращения агрессии...

Может быть, так оно и было. Брежнев, Черненко и многие другие вершители судеб уже плохо представляли, что происходит на самом деле, и верили страшным рассказам о замыслах коварных американцев и продавшего им Амина»³⁶.

И приходит к выводу: «Тут мы сталкиваемся с одной из самых щекотливых и не тронутых исследователями проблем – достоверности информации, поступавшей советскому руководству»³⁷.

³⁴ Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., 2000. С. 238-239.

³⁵ Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., 2000. С. 270.

³⁶ Там же. С. 328-329.

³⁷ Там же. С. 329.

С учётом вышеизложенного можно сделать два вывода.

Во-первых, любое принятие внешнеполитического решения, в особенности в условиях конфликта и кризиса, приобретает сложную психологическую окраску, связанную с чрезвычайной ответственностью политического лидера за судьбы мира. Принятие внешнеполитического решения может оказать критическое воздействие не только на само государство, в котором оно принято, но и на судьбы всего человечества. Это стало особенно очевидно после Карибского (Кубинского) кризиса 1962 г., когда решение американского и советского лидеров о нанесении ядерного удара могло привести к непоправимым последствиям.

Во-вторых, история войн показывает, что неправильная оценка данных различных источников, неверное их использование всегда приводили если не к поражению, то к весьма большим трудностям, преодоление которых было связано со значительными дополнительными усилиями и неоправданными потерями. Так произошло, в частности, в Афганистане.

Список литературы

1. Балдин К., Воробьев С. Управленческие решения. М., 2004.
2. Гриневский О. Тайны советской дипломатии. М., 2000.
3. Дегтярев А.А. Принятие политических решений. М., 2004.
4. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. М., 1996.
5. Семенов Б.И. Особенности информационно-аналитической работы государственных структур в области внешней политики. МГИМО, 2003.

Социологический концепт «глобального общества»

Дугин А.Г.

Глобальное общество как концепт

Глобальное общество – это новый социологический концепт, который связан с процессами глобализации, происходящими в настоящее время и осмысленными в своих *парадигмальных* основаниях.

Можно назвать концепт «глобального общества» своего рода «идеальным типом» (по Веберу), то есть интеллектуальной конструкцией, которая описывает положение дел, в полной мере не существующее в действительности, но предопределяющее силовые линии и реперные точки этой действительности в процессе ее становления. Пока «глобального общества» нет, но оно складывается на наших глазах. Сложится или нет, покажут время и история. А также наша решимость, сказать ему «да» или «нет».

Генезис концепта

Концепт «глобального общества» находится сейчас в процессе окончательного формирования и пока не используется как самостоятельный термин, выступая чаще всего как синоним таких понятий как «глобализация», «глобализм», «глобальные процессы» и т.д. Но так как значение глобальных факторов постоянно возрастает, вероятно, сейчас самое время придать этому концепту окончательный и однозначный смысл. Для этого следует обратиться не просто к практике его использования в научной литературе, но обратить внимание на исторические этапы, постепенно подводящие к возникновению самого явления, обозначаемого этим словом.

Этническая идентичность и folk-society

Чтобы понять конкретный смысл концепта, следует сделать краткий экскурс в область *этносоциологии*, как дисциплины, разбирающей эволюцию коллективных идентификаций в разных типах обществ. Только в этой этносоциологической перспективе весь объем понятия «глобальное общество» станет по-настоящему внятным и содержательным.

Первым уровнем коллективной идентичности в социальной истории является *этническая идентичность*. В этносе между всеми членами существуют органические связи, все разделяют язык, веру в

общее происхождение и общие обычаи(1). В этносе коллективная идентификация всех его членов друг с другом и с общим (часто мифологическим) предком (тотемом, духом, вождем, фетишем и т.д.) настолько велика, что индивидуального начала почти не существует вовсе. В этническом обществе доминирует *коллективная антропология* – целое в нем намного *больше*, нежели составляющие его части.

Аналогом этноса может служить тот тип общества, который американский социолог Р.Рэдфилд назвал «folk-society»(2), выделив как его основные моменты: персонализм отношений, синхронизм реакций, ограниченную численность, аграрную среду обитания, священное отношение к природе.

Этническим обществам присущи архаические черты. В этносе преобладает циклическое время и соответственно мифы вечного возвращения (М.Элиаде(3)).

Этносы, понятые в таком социологическом ключе, являются главным объектом изучения представителей *культурной антропологии*, которая в США и Англии выступает как *прямой аналог* этносоциологии(4).

Народ – этнос, вступивший в историю

Следующим – более *сложным* типом – общества является то, что принято называть «народом». Чтобы строго отличать его от «этноса», можно воспользоваться другим греческим термином – *λαος*, «лаос», откуда образованы такие слова как французское *laïque*, «светский», *laïcité*, «светскость» и т.д. *Народ – это этнос, вступивший в историю*, осознавший линейное время, вышедший из замкнутого цикла вечного возвращения.

В «народе» мы видим много чисто этнических черт, но к ним добавляется и нечто *новое* – определенный травматизм, неравновесность, чувство исторического события как чего-то особого, чего нет в рутине сменяющих друг друга сезонов. В «народе» центральной фигурой становится *герой*, который впервые наделяется *индивидуальностью*, чуждой этническим архаическим обществам. Но эта индивидуальность – исключительная, собирательная и зарезервированная только для «великих людей» -- царей, вождей, богатырей, гениев, философов.

Если для этноса характерны сказки и мифы, то для «народа» -- эпос.

В «народе» сосуществуют две социальные парадигмы идентификации – *коллективистские* (все еще этнические) массы и *индивиду-*

лизованные элиты. Связь возникновения социальной дифференциации и становление классового общества с этническими процессами прекрасно описал в своем монументальном пятитомнике Рихард Турнвальд(5).

«Народ», *λαος*, порождает вместе или поочередно следующие типовые формы – *государство* (чаще всего), *религию* (как правило, с развитой теологией, классическим примером являются монотеистические религии), *цивилизацию* (основанную на философии и высоко дифференцированной культуре).

«Народу» соответствует *традиционное общество*, отличающееся от чисто этнического (архаического) более высокой степенью дифференциации – в социальном устройстве, политике, экономике, культуре и т.д.

Нация как буржуазный симулякр

В Новое время в Европе на основании традиционных сословных государств (соответствующих фазе *хаос*») появляется новый социальный тип – *Государство-Нация*. Это совершенно особое явление, по своим основным качественным характеристиками, отличающееся от этноса и народа. Это прекрасно показал философ и этносоциолог Эрнст Гелльнер(6). По Гелльнеру, «нация» -- это целиком искусственная идентичность, переносящая механически «естественные связи малых общин» на широкие пласты атомизированных и изолированных индивидуумов. Другой этносоциолог Бенедикт Андерсон(7) называет нацию «*imagined community*», то есть «выдуманной общностью».

Концепт «нации» возникает вместе с буржуазными революциями, является продуктом исторической деятельности «третьего сословия» и берет в качестве нормативного типа фигуру *буржуа*. Показательна этимологическая и смысловая связь таких понятий как *Burg* (город, нем.) – *Burger* (горожанин, буржуа, нем.) -- *bourgeois* (представитель третьего сословия, буржуа, фр.) – *le cite* (город, фр.) – *citoyen* (гражданин, фр.) – *πολις* (город, гр.) – *πολιτικά* (политика, гр.).

В нации доминирует городское (политизированное) население, которому точнее всего соответствует греческий термин *πολις*, «демос». «Нация» не отделима от государства и всегда имеет *политическое* выражение – в отличие от этноса, который не знает политики (и соответственно развитых властных отношений и стихии исторического решения) и от «народа», в котором политическое измерение является достоянием дифференцированной (от основной массы) и инди-

видуализированной элиты. Переход от «народа» к нации может быть описан как переход от нормативной фигуры «Героя» (Held) к фигуре «Торговца» (Handler), как это показано в социологии В.Зомбарта(8). *Нация есть явление буржуазное.* И ее появление в Европе практически совпадает с рождением «демократии».

«Нация» предлагает новую форму идентичности – объединение всех граждан в общем национальном *правовом и административном* пространстве.

Гелльнер показывает, что «нация» создает *симулякр этноса*; вместо живого языка – искусственно разработанная и административно закрепленная национальная «идиома»; вместо органических отношений «братьев» и «свояков» -- рациональные связи партнерства и взаимовыгодны; вместо искренней веры в миф -- прагматическая манипуляция искусственными историческими конструкциями, призванными служить конкретным целям – удобству управления, социальному форматированию масс, униформизации механических деталей.

Государство-Нация и гражданское общество

Появление буржуазных «наций» в Новое время вместе с искусственным «целым» вело к распространению *личностной идентификации* на широкие слои населения – вначале городского, затем и сельского. При этом гражданские права – и соответственно *статус индивидуума* – признавались только за взрослыми состоятельными буржуа-горожанами-гражданами мужского пола, и лишь постепенно распространялись на всех остальных – на женщин, бедняков и крестьян. В любом случае параллельно национальной *искусственной коллективной* идентичности развилась *индивидуальная* идентичность, которая бралась за *социальный атом* при политическом складывании нации. Буржуазные нации в отличие и от этносов (архаическое общество) и от «народов» (традиционное общество) состояли из *индивидуумов*. На основании этой новой (исторически) нормативной фигуры сложилась концепция «гражданского общества».

«Гражданское общество» -- это социологическая абстракция, представляющая собой проект существования буржуазного общества без национального Государства, то есть *содержания без формы*. Это общество мыслится основанным исключительно на индивидуальной идентичности – по ту сторону всех форм идентичности коллективной – этнической, народной, сословной, религиозной и даже национальной.

Гражданское общество и глобальное общество

Теория «гражданского общества» была создана философом Кантом(9) в духе пацифизма и антропологического оптимизма: Кант считал, что люди сообразят, что воевать между собой, защищая Государства-Нации, не разумно, и что гораздо выгоднее и прибыльнее сотрудничать. Тогда-то и реализуется «гражданское общество», основанное на разуме и морали.

Гражданское общество, таким образом, мыслится изначально выходящим за пределы национальных Государств и *противопоставляется* им как формам организации, подлежащих упразднению. Форма *национальной* идентичности должна уступить место идентичности исключительно *индивидуальной*. И только тогда мы получим общество индивидуумов, где никаких форм коллективной идентичности не останется.

Если поместить концепт «гражданского общества» в конкретный исторический контекст, то мы увидим, что это общество не может не быть *глобальным*, *сверхнациональным*, *пост-государственным*. То есть «гражданское общество» предполагает то, что в конце концов оно обязательно станет глобальным. Поэтому мы можем рассмотреть «глобальное общество» как высшую форму «общества гражданского», как его оптимальное выражение и конкретное воплощение.

Этапы становления «глобального общества»

Глобальное общество в своем становлении имеет следующие этапы. —

Начинается оно с укрепления индивидуальной идентичности в рамках национальных государств. Это называется «демократизацией» и «социальной модернизацией». Коллективная идентификация с нацией и, соответственно, с государством, постепенно уступает место строго индивидуальной идентификации. Гражданское общество набирает силы. Демократические национальные государства становятся все более *демократическими* и все менее *национальными*.

Далее, достигшие высокого уровня демократизации и модернизации Государства-Нации сливаются в одно *наднациональное образование*, которое превращается в основу постнационального демократического сверх-государства. (Этот этап мы видим реализованным на практике в современном Евросоюзе.)

Пока, наконец, все общества и государства не достигнут высокого уровня демократизации и не объединятся в единое «Мировое Государство» (Global State) с единым «мировым правительством» (World Gouvernement). Граждане этого планетарного государства —

Космополиса – будут только «гражданами мира», и сам статус гражданина будет полностью приравнен к статусу *человека*. Эта идеология получила название «права человека». Она подразумевает именно концепт глобального гражданства или глобального общества.

Права человека как идеология

Мы называем «права человека» именно идеологией не случайно. Сам смысл этого сочетания выражает идеологические и политические позиции *либерализма*. Либерализм основан на принципе «*свободы от*» (по словам Дж.С.Милля(10)). Свобода понимается как независимость от любой формы коллективной идентичности. При этом вопрос, *что* должно прийти на смену этой идентичности, остается открытым. По Миллю, либералы не должны отвечать на вопрос «свобода *для чего*»? Это каждый может решать самостоятельно. Главное – *разрушить связи*, а что на их месте построить, дело каждого «освобожденного» индивидуума.

«Глобальное общество» -- это предельный горизонт именно *либерального* подхода, когда субъектом права начинает выступать человек в чистом виде, индивидуум, освобожденный от всех внеиндивидуальных свойств и характеристик.

Три взгляда на Космополис. Глокализация

Можно привести три наиболее последовательные модели становления глобального общества: World culture (мир как культура), World Polity (мир как политика), World System (мир как система). Они по-разному трактуют «глобальное общество» и его становление.

Теория World culture была разработана Роландом Робертсоном(11), автором известного термина «глокализация»(12). Робертсон считает, что глобализация протекает одновременного *на двух уровнях* – на уровне доминирующей идеологии (политических, экономических, медийных, научных и пр. элит) преобладают интеграционные процессы, и мир, действительно, становится *однородным* и единым, а на уровне *широких масс*, все наоборот – они, напротив, регионализируются, архаизируются и подчас утрачивают даже ту долю универсализма, которую имели в эпоху расцвета национальных Государств. То есть в глобализации идет *дифференциация культур* на две: одну *глобальную*, и другую, представляющую собой широкий и разнородный, подчас конфликтный, *ввер культур локальных*.

По Робертсону, этот процесс открыт, и теоретически может привести к настоящей унификации мира и «глобальному обществу», а

может в любой момент соскользнуть в «новое варварство», «арханизм», «регионализм» и «локальность».

Мировое Правительство

Вторая теория World Polity принадлежит Джону Майеру (13) и представляет новое глобальное человечество как «Мировое Государство», объединенное единой политической системой – с мировым парламентом, мировой юридической системой, общим фискальным аппаратом, то есть со всеми атрибутами Государства. По Мейеру, надо мыслить глобализацию как возникновение новой «нации» на манер исторических наций, также преодолевавших в своем становлении сословные и этнические противоречия, только в более узком масштабе.

«Глобальное общество», по Майеру, будет прямым эквивалентом «глобальной нации».

Глобалистский коммунизм Валлерстайна

Третья теория World System носит марксистский характер, и развивается Иммануилом Валлерстайном(14). С его точки зрения, Маркс был полностью прав в своих предвидениях, и сейчас на планетарном уровне происходит формирование *глобального капитализма*. Когда этот процесс будет завершен, и капитализм прочно утвердился повсюду, глобальный пролетариат выйдет на арену и осуществит мировую революцию. Но эта смена правящего класса может произойти, по Валлерстайну, только в условиях *глобального капиталистического государства*, которое создаст условия для «подлинного пролетарского интернационализма» и солидарности всех рабочих земли между собой.

Капиталистическая глобализация войдет в полосу кризисов и рухнет, и тогда человечество построит социализм и коммунизм на останках мировой капиталистической системы.

«Глобальное общество» будет коммунистическим.

Близкую к Валлерстейну позицию занимают и известные авторы нашумевшего бестселлера «Империя» А.Негри и М.Хардт(15).

Наступил ли «конец истории»?

В 90-е годы XX века наметились две тенденции в толковании процесса глобализации, которые нашли свое отражение в работах Ф.Фукуямы(16) и С.Хантингтона(17). Они не утратили актуальности и до сего времени.

Позиция Фукуямы того периода состояла в том, что после распада советской системы все предпосылки для возникновения «глобаль-

ного общества» налицо, и это можно считать свершившимся фактом. Хантингтон же возражал, что должной гомогенизации, напротив, не произошло, и слом одних – идеологических – парадигм противостояния в скором времени сменится иными парадигмами – *цивилизационными*. Не имея ничего против «глобального общества», Хантингтон, тем не менее, предупреждал о тех объективных преградах, которые стоят на его пути. В качестве таких преград он видел не национальные Государства, но глубинные цивилизационные и культурные противоречия.

В конце 90-х и в начале 2000 Фукуяма пересмотрел свою позицию и признал, что он поспешил с выводами о «конце истории»(18).

Преодоление гендера

С социологической точки зрения, следует обратить внимание на следующий момент концепта «глобального общества» (как «общества гражданского»). Это общество отрицает любую форму коллективной идентичности – этническую, историческую, цивилизационную, культурную, сословную, национальную и т.д. Но есть еще одна форма коллективной идентичности, которая также рано или поздно должна была попасть в зону повышенного внимания идеологов «прав человека». Это – гендерная идентичность.

Освобождаясь от всех связей, либералы рано или поздно должны были поставить вопрос *о свободе от пола*. Мужчины и женщины не индивидуальное явление. И какое бы равенство полов в обществе не царило, есть определенные социальные механизмы сегрегации, включая анатомические, которые преодолеть невозможно. Снятие гендерной идентичности, тотальная легализация и легитимация гомосексуальных отношений, а также полноправие транссексуалов и свобода трансгендерных операций (возможно, неоднократных), является не просто курьезной деталью в становлении глобального общества, но его *важнейшим программным пунктом*. Борьба за права сексуальных меньшинств есть *фундаментальный политический тезис строительства «глобального общества»*. В этом обществе должны исчезнуть не только этносы, народы, конфессии и государства, но и мужчины и женщины в привычном для нас понимании(19).

Альтернатива?

Здесь можно задаться вопросом: а есть ли у «глобального общества» альтернативы? Это не пустой вопрос. Дело в том, что если мы проследим (по меньшей мере, на Западе) цепочку смены одного типа общества другим на всем протяжении истории, мы увидим, что этот

процесс шел поступательно и только в сторону смены менее дифференцированного типа общества более дифференцированным. Конечно, это процесс нелинейный и были периоды реверсивности и отступления, но в целом, история Запада ведет именно к «глобальному обществу» -- и теоретически, и культурно, и технологически, и социально, и логически.

Другое дело, что большинство других, незападных обществ, познакомились с этой тенденцией, с таким ходом истории и таким ее ориентиром *принудительно* – либо через колонизацию (как страны Третьего мира), либо в оборонительной попытке отстоять самобытность и независимость от того же самого Запада (как Россия). Для Запада движение к «глобальному обществу», а значит, к «Мировому Правительству» и упразднению любых форм коллективной идентичности (включая гендерную) – это *судьба*. Для всех остальных цивилизаций (и в этом был совершенно прав Хантингтон), это скорее либо свободный *выбор*, либо уступка внешнему *насилию*. Но в любом случае, сказать нет «глобальному обществу» очень нелегко – для этого надо, по сути, отвергнуть всю логику модернизации, всю «очевидность» прогресса и фатальность технического развития. «Глобальное общество» не случайно. Простым недовольством его не остановить. Чтобы хоть что-то противопоставить или возразить ему, надо всерьез *переосмыслить саму структуру исторического процесса* – снова поставить под вопрос, что в нем было универсально, а что локально, что общеобязательно, а что произвольно.

Если мы не хотим жить в Космополисе, населенным людьми неопределенной половой ориентации, без этносов, культур и отечеств, нам надо выдвинуть фундаментальный и, в значительной мере, революционный проект, заглядывающий в самые глубины человеческого духа и его исторического проявления; *новую политическую теорию*(20).

Альтернатива «глобальному обществу» возможна, более того – она *необходима*. Но она требует очень большого напряжения и не дается сама собой.

Список литературы

1. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923

2. Redfield, Robert The little community. Chicago: University of Chicago Press. 1956
3. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. М., 2000
4. Школа Ф.Боаса и его последователей.
5. Thurnwald R. Die menschliche Gesellschaft in ihren ethno-soziologischen Grundlagen, 5 B. de Gruyter, Berlin, 1931-1934
6. Gellner Ernest Nations and Nationalism. New Perspectives on the Past, NY: Cornell University Press, 1983
7. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism, London: Verso. 1991
8. Зомбарт В. Собрание сочинений: В 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2005.
9. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане(1784)// Кант, Иммануил Сочинения в шести томах. М., "Мысль", 1966, т. 6.- 1966, с.5-23
10. Милль Дж. О свободе (1859)/ Наука и жизнь. - 1993. № 11. с. 10-15; № 12. с. 21-26.
11. Robertson, Roland. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage. 1992
12. Robertson, Roland "Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity."/М. Featherstone, S. Lash, and R. Robertson (eds.), Global Modernities. London: Sage. 1995 Pp. 25-44
13. Meyer, John W.. "The World Polity and the Authority of the Nation-State."/A. Bergesen (ed.), Studies of the Modern World-System. New York: Academic Press. 1980 Pp. 109-137; Meyer, John W., John Boli, George M. Thomas, and Francisco O. Ramirez.. "World Society and the Nation-State."// American Journal of Sociology 103(1):. 1997pp. 144-181
14. Wallerstein I. After Liberalism. New York: The New Press. 1995; Wallerstein I. Utopistics: Or, Historical Choices of the Twenty-First Century. New York: The New Press. 1998; Wallerstein I. The Rise and Future Demise of the of the World-Capitalist System: Concepts for Comparative Analysis//Comparative Studies in Society and History 16:. 1974 pp. 387-415
15. Негри А., Хардт М., Империя, М.: Праксис, 2004
16. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек, М., ООО «Издательство АСТ», 2004
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., ООО «Издательство АСТ», 2003

18. См. беседу А.Дугина с Ф. Фукуямой Идеи имеют большое значение/Профиль № 23(531), 18.06.2007
19. См. например Haraway Donna A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century, 1985
20. Подробнее об этом см. Дугин А. Четвертая политическая теория, СПб, 2010

О структуре образа государства в международных отношениях

Киселев И.Ю.

В теории внешней политики и международных отношений, также как и в практической политике деятельность государств на мировой арене зачастую объясняется с точки зрения их национальных интересов. Как подчеркивает Т. Дейбель, соответствие политики национальным интересам – необходимое условие для ее реализации на практике. Если она не может быть оправдана на основе национальных интересов, то от нее следует отказаться [7, с. 123]. Значимость национальных интересов в стратегической логике объясняется тем, что они позволяют обеспечить критерий, относительно которого можно оценить значимость достижения тех или иных целей и тем самым логически обосновать, объяснить поведение акторов на мировой арене. Более того, осознание национальных интересов рассматривается в качестве основы субъектности государства в международных отношениях. Так в «Концепции внешней политики Российской Федерации» (2008 г.) подчеркивается «Новая Россия, встав на твердую почву национальных интересов, обрела полноценную роль в глобальных делах» [1].

Вместе с тем, в последнее время исследователи существенно расширили перечень факторов, позволяющих объяснить поведение государственных акторов. Например, А.П. Цыганков полагает, что «с того момента, как в современном мире снялось жесткое противостояние и, соответственно, жесткая поляризация национально-государственных образований прежде всего по политико-экономическим параметрам, недооценка самостоятельности значимости факторов, связанных с идейно-дискурсивными аспектами самоидентификации.... фактически деформирует реальную картину международных отношений...» [6, с. 17]. Таким образом, наряду с традиционными факторами, отражающими особенности политической, экономической системы государства, его военную мощь, особенности самовосприятия и самопрезентации государства, его образ, стали не-

отъемлемой частью перечня переменных, которые рассматриваются исследователями в ходе изучения отношений между странами.

Несмотря на то, что понятие «образ государства» широко применяется для изучения современных международных отношений, можно сформулировать целый ряд вопросов, возникающих у ученых и практиков в связи с использованием данного конструкта в качестве аналитического инструмента. Основные из них: Каково содержание конструкта «образ государства» применительно к сфере международных отношений? Как его операционализировать в целях дальнейшего эмпирического измерения?

Предлагаемый нами подход к поиску ответов на поставленные вопросы строится на основе предположения о том, что образ государства находит отражение в *ролях*, которые оно исполняет на международной арене. В качестве детерминант выбора ролей выступает *идентичность* государства и его *статус*. Представления субъектов, выступающих от имени государства на международной арене, о его идентичности, статусе и ролях, определяют содержание образа государства, который, следовательно, характеризуется трехкомпонентной структурой.

Теоретические основания для определения подобной структуры и содержания отдельных компонентов образа государства составляют три широко используемые в социологии и психологии концепции. Первая определяет механизмы формирования *ролевой концепции* государства. Вторая раскрывает процесс обретения идентичности через *категоризацию*. Третья рассматривает проблему формирования статуса государства посредством соотнесения позиций, на которые оно претендует на мировой арене (*желаемый статус*), и положения, которое приобретает им под влиянием обратной связи, получаемой от других международных акторов (*предписанный статус*).

Рассмотрим кратко содержание каждого из отмеченных процессов, определяющих содержание соответствующих компонентов образа государства.

Феномен роли не получил достаточного осмысления применительно к сфере международных отношений. Как следствие существует целый спектр значений данного понятия: роль как 1) вклад или функция государства, 2) влияние, 3) ожидаемое поведение, основанное на определенных правилах, 4) политическое решения. К. Холсти, автор наиболее известной научной работы по проблеме ролей государства, дает следующее определение. Роли – это собственные опре-

деления политиков наиболее общих подходов к решениям, обязательствам, правилам и действиям, подходящим для их государства и тех функций, которые государство должно выполнять на постоянной основе в международной системе [8]. Феномен «национальной роли» предоставляет существенные возможности понять сложные процессы взаимодействия государств на международной арене. Во-первых, международный порядок создается вокруг определенного распределения ролей. С течением времени некоторые из них получают институционализацию, тогда как другие остаются неформальными. Фактически роли представляют собой обязательства государства на мировой арене, которые, наряду с национальными интересами, выступают в качестве мотива их поведения. Более того, роли подчас заставляют государства предпринимать действия, которые противоречат национальным интересам. Данное обстоятельство позволяет объяснить действия государств, которые эксперты могут расценивать как нерациональные. Во-вторых, понятие роли также помогает объяснить преобладание в международной политике. В-третьих, изучение содержания ролевой концепции государств позволяет оценить возможности сотрудничества стран в поддержании международного порядка, а также выявить потенциальные конфликты, возникновение которых связано с различиями в понимании государствами содержания своих ролей и обязательств других участников мировых процессов.

Содержание ролевой концепции государства зависит от идентичности государства, которую оно обретает вследствие *социальной категоризации*. Содержательно данный процесс связан с поиском субъектом ответа на вопрос «кто я?» посредством отнесения себя к определенной категории людей или государств на основе установления сходства своих черт и характеристик представителей данной категории. Кроме того, данный процесс сопряжен с констатацией отличий качеств субъекта и представителей той или иной категории. Особенности категоризации оказывают существенное влияние на построение отношений между государствами следующими путями. Во-первых, отношения между странами задействует процесс *сравнения*. Установление сходства характеристик государств составляет базис для сотрудничества, в то время как восприятие различий служит основанием для оценки действий другого государства как несущие угрозу [10]. Во-вторых, преодолению враждебности между странами и разрушению границ между «мы» и «они» способствует появление *пересе-*

кающейся категоризации [5, с. 258]. В-третьих, идентичность служит в качестве предмета безопасности, определяя содержание «онтологической безопасности» [9].

Выбор ролей зависит также от статуса государства на мировой арене. В частности, формулировка обязательств страны в тех или иных сферах ответственности зависит от того, как субъект, выступающий от имени государства, определяет его место в системе международных отношений, уровень влияния, реальные и потенциальные угрозы его безопасности, а также – открывающиеся возможности.

Подводя итог изложенному выше, можно сделать вывод, что государство одновременно позиционировано в трех пластах отношений. Во-первых, оно характеризуется уникальным географическим положением, особенностями организации политической и экономической жизни, военной мощью, культурой и историей, этническим и религиозным составом населения, разделяемыми ценностями и убеждениями. В научной литературе подобный набор характеристик обозначается при помощи понятия *национальная идентичность*. Во-вторых, государство отличается особым положением в системе международных отношений, членством в международных организациях, дружественными или враждебными отношениями с теми или иными странами. Иначе говоря, государство характеризуется особым *статусом*. В-третьих, каждое государство реализует на международной арене определенный перечень *ролей*.

Таким образом, *представление* государства о самом себе и других участниках международных отношений может быть организовано в виде трехкомпонентной структуры, которая включает представления субъекта о национальной идентичности, статусе и роли страны, которые не обязательно совпадают с ее объективными характеристиками в трех названных сферах позиционирования.

Данный подход использовался нами для изучения ряда ситуаций, связанных с принятием решений, обретением государствами членства в международных организациях [2],[3],[4].

Список литературы

1. Концепция внешней политики Российской Федерации 2008 г. - <http://www.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204108.shtml>
2. Киселев И.Ю. Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. 376 с.
3. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Образ государства и принятие решений в международных отношениях. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004. 176 с.
4. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г., Руденко Л.Д., Афонин М.В. Россия в «Группе восьми»: имидж versus образ. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2009. 247 с.
5. Сушков И. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект, ИПРАН, Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 448 с.
6. Цыганков А.П. Национальная идентичность и политико-экономические стратегии в постсоветском пространстве (о новых исследовательских подходах в международных отношениях) // Вопросы философии. 2001. № 11. С. 15-28.
7. Deibel T.L. Foreign Affairs Strategy: Logic for American Statecraft. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 435 p.
8. Holsti K. J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly, 1970. № 14.
9. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security // European Journal of International Relations, 2006. Vol. 12(3). P. 341–370.
10. Rousseau D.L. Identifying Threats and Threatening Identities: The Social Construction of Realism and Liberalism. Stanford, Stanford University Press, 2006. 267 p.

Психология в международных отношениях

Кочетков В.В.

В последнее десятилетие стремительно развиваются новые направления изучения международных отношений - бихевиорализм и конструктивизм. Оба они изучают роль субъективного фактора в МО. В рамках бихевиорализма изучаются стереотипы и имиджи стран и политиков, проводится психобиографический анализ политических лидеров, анализ их систем ценностей, верований, установок, психологические процессы, влияющие на их восприятие, механизмы принятия внешнеполитических решений. Конструктивизм рассматривает МО как конструирование социальной реальности, что во многом зависит от личностных особенностей субъектов МО. В настоящей статье анализируется роль психологии в МО.

Интерес к проблеме межкультурных различий возник так же давно, как люди стали сталкиваться с представителями других культур во время завоеваний, географических открытий, торговых путешествий. В путевых дневниках купцов, полководцев и первооткрывателей содержались наблюдения о различиях в поведении и культуре представителей разных народов. Первоначально наука, которая описывала эти различия, называлась этнография (от этно – народ и графо - пишу). Постепенно количество наблюдений увеличилось до такой степени, что возникла потребность обобщить их и осмыслить. Возникла этнология. В 1860 г. В.Вундт приступил к изданию фундаментальной десяти томной «Психологии народов». Почти одновременно Г.Штейнталь и М.Лацарус приступили к изданию журнала «Психология народов и языкознание». В нашей стране Г.Г. Шпет – создатель первой кафедры этнической психологии в МГУ – считал, что Россия с ее сложным этническим составом представляет благоприятные возможности для изучения психологии народов. Однако в 1930 гг. Исследования были прекращены по идеологическим соображениям. На Западе же, особенно в США, исследования не прекращались. А.Кардинер, Р.Линтон создали теорию «базовой структуры личности», А. Инкелис - «модальной личности».

Сейчас влияние культуры на психологию изучают несколько наук – культурная антропология, психологическая антропология, этни-

ческая психология, кросскультурная психология и психология межкультурных различий. **Культурная антропология** изучает культурно обусловленные традиции, привычки, ритуалы, в основном у экзотических народов. **Психологическая антропология** изучает влияние культуры на личность и мышление на стыке психологии и культурной антропологии. **Кросскультурная психология** изучает психологию индивидов, принадлежащим к разным культурным и этническим группам. При этом фокус делается на изучении универсального в поведении человека, несмотря на различия в культуре. **Психология межкультурных различий** изучает различия в психологии индивидов, принадлежащим к разным культурным и этническим группам.

Методологической основой психологии межкультурных различий являются как общие принципы психологии, так и специфические.

1. **Принцип детерминизма**, разработанный С.Л.Рубинштейном и его школой в середине 1930-х г.г. Он состоит в следующем: *психика определяется образом жизни и изменяется с изменением образа жизни*. Применительно к межкультурным исследованиям этот принцип означает, что условия материальной жизни, влияние природного окружения (ландшафта), климата, политических и социальных условий определяют различия психологии народов.

2. **Принцип деятельностного подхода**, разрабатываемый в отечественной психологии А.Н.Леонтьевым. Согласно этому принципу, *психика формируется в процессе деятельности и определяется её характером*. Поэтому традиционные для данной культуры формы деятельности определяют национальные особенности психики. Например, очевидна связь особенностей японцев с традиционным на островах искусством миниатюризации (широко известны «бонсай» и «нэцке» - изготовление миниатюрных деревьев и статуэток). Межкультурные различия проявляются в продуктах деятельности. Так различаются архитектура католического костела, исламской мечети и православной церкви, а также американские, немецкие, японские, итальянские, французские и отечественные автомобили.

3. **Принцип культурно-исторического развития** Л.С.Выготского заключается в том, что *на образ мышления, на специфику взаимодействия с окружающими, на особенности социализации человека - другими словами, на его индивидуальную ментальность оказывает влияние прежде всего культура и история развития цивилизации*. Культуру Л.С.Выготский рассматривал как способ освоения социальных знаков. Называя человека культурным, мы под-

разумеваем, что он усвоил систему социальных знаков. В разных странах эти знаки различны и то, что является культурным в одной стране, может оказаться некультурным в другой.

4. **Принцип интериоризации** Ж.Пиаже, заключающийся в том, что *формирование психологических особенностей осуществляется посредством интериоризации* социальных способов деятельности. Реально в конкретной действительности этот процесс происходит в национально-особенной форме.

5. **Принцип информационной организации этноса** основан на разделяемом всеми психологами предположении, что возможности человеческой психики по переработке поступающей информации ограничены и не соответствуют новой информационной ситуации, сложившейся в современном постиндустриальном обществе. Для ориентации и приспособления человек вынужден применять различные «фильтры», которые пропускают не все, а только наиболее значимые для индивида сигналы. В качестве фильтров выступают различные субкультуры, вырабатывающие свои нормы, ценности, образцы поведения. Профессиональные и досуговые субкультуры (хиппи, рокеры) хотя и позволяют ограничивать объем сигналов и лучше ориентироваться в жизни, имеют ряд ограничений: «ценностная» ограниченность; физическая ограниченность сроков пребывания в некоторых субкультурах и краткость их существования во времени. Именно этнос оказывается той субкультурой современного общества, которая в наибольшей степени способна выполнять роль «информационного фильтра». Этому способствуют такие его качества, как целостность, устойчивость этнического статуса личности, стабильность состава и устойчивость во времени.

В многочисленных психологических исследованиях показано влияние культуры на познавательные процессы: восприятие, память, мышление. Межкультурные различия восприятия изучали на материале иллюзий А.Р.Лурия и Л.С.Выготский. В качестве стимульного материала использовались иллюзии Мюллера-Лайера. Исследования проводились в Узбекистане. В результате исследований в Москву, в Институт психологии была послана телеграмма странного содержания: «У узбеков нет иллюзий». Константность восприятия по-разному проявляется у народов, живущих на равнинах, в горной местности или зарослях джунглей. В примитивных бесписьменных культурах отсутствует такой широко известный во всем мире эффект памяти, как эффект позиционности (выпадения середины). Функциональная

межполушарная асимметрия головного мозга неодинаково проявляется в разных странах. Это приводит к различным способам переработки информации. В западных культурах доминирует левое полушарие. Это приводит к рациональному, последовательному, логичному мышлению представителей западных культур. В восточных культурах доминирует правое полушарие. Это делает мышление представителей восточных культур одномоментным, образным, интуитивным.

Давнюю и богатую историю имеют кросскультурные исследования интеллекта. Традиционно *интеллект* определяется в западной психологии как *умственные способности, проявляющиеся в вербальной и математической сфере*.

Во многих языках нет даже слова, обозначающего интеллект в западном понимании. Определения интеллекта в сильной степени отражают ценности культуры. Например, в китайском языке наиболее близким к интеллекту понятием является иероглиф, который означает «обладание хорошим умом и талантами». Для китайцев это понятие связано со способностью к подражанию, настойчивостью и социальной ответственностью. В Южной Африке интеллект эквивалентен таким чертам личности, как твердость, осторожность и дружелюбие. В России в представлении об интеллектуальной личности характерно преобладание социальных компонентов и акцент на морально-этических характеристиках интеллекта.

Одной из остро дискуссионных проблем является отношение к понятию национального характера. Обращает на себя внимание, что этим понятием оперируют в основном не психологи. Климато-географическое направление в изучении национального характера представлено Л.Н.Гумилевым, который был, как известно, доктором исторических и географических наук. Общественно-историческое направление представлено Э.А.Баграмовым, а этнологическое - Ю.В.Бромлеем, который отмечал: «Культурное единство членов этноса неразрывно связано с наличием у них определенных общих черт психики, которые называют этническим, или, чаще, национальным характером». Все они согласны с И.С. Коном в том, что атомистический подход к национальному характеру несостоятелен. Взаимоисключающие описания разных народов зачастую встречаются в путевых заметках путешественников. Характер, в том числе и национальный, не может формироваться просто из какого-то сочетания черт. Черты характера - это аспекты единой структуры. Перечислять этнопсихологические характеристики можно до бесконечности.

Можно также с равным основанием перечислять и прямо противоположные черты.

Исследования «национального характера» явились логическим продолжением исследований базовой и модальной личности. Главной целью исследований было стремление к поиску *стержня*, или, как сейчас это называют, системообразующего фактора национального характера.

Многие известные отечественные психологи (А.Л.Журавлев, И.С.Кон, Н.М.Лебедева, Е.Н.Резников) совершенно справедливо считают, что в строго научном смысле такого понятия не существует. Его сложно операционализировать и подобрать методический аппарат. Предлагается заменить его более строгими понятиями, например, «иерархическая структура этнопсихологических характеристик».

От национального характера следует отличать социальный характер. Дэвид Рисмен определяет социальный характер как доминантные стремления индивиды, побуждающие его делать именно то, что необходимо и желательно в специфических условиях его культуры. В течение XX в. в нашей стране сменилось несколько типов социального характера (советский человек, новые русские), но национальная основа осталась неизменной.

Роль культуры в современном мире постоянно растет. Закон возрастания роли культуры сформулировал Сэмюэль Хантингтон. После распада СССР и крушения мировой социалистической системы будущие войны больше не будут определяться идеологией, как это было раньше во времена холодной войны. Противостояния будут определяться культурой. Конфликты будут разворачиваться между цивилизациями. Разногласия в сфере экономики и политики можно решить путем переговоров. А вот различия в сфере культуры непримиримы. Коммунисты могут стать капиталистами, бедные – богатыми, но русские не могут стать эстонцами. Еще более резко различает людей религия. Человек может быть полу-французом и полу-арабом, но не может полу-католиком и полу-мусульманином. Главная линия разлома цивилизаций, являющаяся и линией фронтов пройдет по южным границам России – Чечня, республики Средней Азии, Афганистан, Косово и Боснию, Израиль и Палестина. Понять, например, конфликт между чеченцами и русскими невозможно без изучения их культурных особенностей.

Три наиболее известные и ставшие классическими теории оказали наибольшее влияние на развитие психологии межкультурных различий:

1. Концепция культурных измерений Г.Хофстеде
2. Теория моноактивных, полиактивных и реактивных культур Р. Льюиса
3. Представления о высоко- и низкоконтекстуальных культурах Э. Холла

I. Голландский социолог Гирт Хофстеде в 1986 г. открыл культурные измерения - *определенный набор ценностей, установок, верований, норм и моделей поведения, которыми одна культура отличается от другой.*

1. Главное культурное измерение - **индивидуализм – коллективизм**. Основными ценностями *индивидуалистических* культур являются: уважение прав человека, высокая ценность человеческой жизни. Индивидуальные цели важнее групповых. Наиболее индивидуалистические культуры сложились в западных странах, в первую очередь США, Великобритании, Австралии, Канаде, Нидерландах. Основными ценностями *коллективистской* культуры является взаимовыручка, гостеприимство, щедрость. Поведение человека определяется принадлежностью к группе. Групповые цели важнее индивидуальных, ценность отдельной человеческой жизни низкая и всегда приносится в жертву интересам группы. Наиболее коллективистские культуры сложились в странах Азии и Латинской Америки: Япония, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Перу, Колумбия.

2. В **мужественных** культурах высока ценность материальных вещей, власти и представительства, более сильная мотивация к достижению. Ценится стремление к успеху, забота о высоком достатке, настойчивость, жесткость и агрессивность в достижении целей. В работе представители мужественных культур видят смысл жизни. Склонны много и напряженно работать. Мало помогают другим. К мужественным культурам относятся Германия, Япония, Италия, Ирландия, Австрия, кавказские народы. В **женственных** культурах главными являются духовные ценности: смысл жизни, воспитание, духовное развитие человека. Ценятся забота и внимание. Представители женственных культур помогают слабым и сочувствуют неудачникам. Наиболее успешной считается деятельность в сфере сервиса. К женственным культурам относятся Скандинавские страны: Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания, Нидерланды.

3. В культурах с **высокой дистанцией власти** власть является основной ценностью. Она дает огромные преимущества тому, кто ею обладает. Для достижения успеха в таких культурах требуются услужливость, конформизм, авторитарность. Представители культур с высокой дистанцией власти считают, что люди рождаются неравными и у каждого свое место в жизни. Дистанция между социальными слоями значительна. Предпочитается жесткое руководство. Культуры с высокой дистанцией власти сложились в России, Франции, Бельгии, латиноамериканских и ближневосточных странах. Члены культур с **низкой дистанцией власти** ценят равенство, уважение, знания, способности. Власть не дает особых льгот и привилегий в социальном плане и рассматривается как обычная общественная деятельность. Подчиненные считают себя такими же людьми, как их руководители, и последние разделяют это мнение. Это характерно для США, Германии, Великобритании, Австрии, Финляндии, Дании и Норвегии.

4. Представители культур с **высоким уровнем избегания неопределенности** имеют более высокий уровень тревожности, нетерпимы к двусмысленности, больше беспокоятся о будущем, больше сопротивляются любым изменениям. Высокий уровень присущ Португалии, Греции, Германии, Перу, Бельгии, Японии, России, странам Латинской Америки, Африки, Ближнего Востока.

Культуры с **низким уровнем избегания неопределенности** имеют более низкий уровень стрессов, допускают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску. Представители этих культур менее напряжены и более раскованы. Низкий уровень характерен для Швеции, Дании, Норвегии, США, Ирландии, Финляндии, Нидерландов и Гонконга.

II. Моноактивные, полиактивные и реактивные культуры Р.Льюиса.

Моноактивные культуры (от лат. *mono* – один и *active* - действие) допускают выполнение только одного дела в единицу времени. Поэтому представители моноактивных культур планируют свою жизнь в определенной последовательности и составляют расписания, иногда на несколько месяцев и даже лет вперед. Раз назначенное, событие уже не может быть отменено. К моноактивным культурам относятся прежде всего немцы и швейцарцы. Время движется линейно из прошлого через настоящее в будущее. О прошлом стараются не думать, детально планируют настоящее и беспокоятся о будущем.

Полиактивные культуры (от лат. *poli* – много и *active* – действие) допускают выполнение нескольких дел в одно время. К полиактивным культурам относятся итальянцы и латиноамериканцы. В полиактивных культурах событие может быть отменено или передвинуто.

В **реактивных культурах** время движется не линейно, а по кругу, в соответствии с естественными природными циклами: восходом и заходом солнца, сменой времен года. Вместо того, чтобы решать проблемы последовательно одну за другой, жители Востока кружат вокруг них, как вокруг озера. Они курят кальян и никуда не торопятся. На Востоке говорят: «Когда Аллах делал время, он сделал его достаточно». После периода размышлений дела А, D и F могут оказаться достойными того, чтобы их выполнить. B, C и E могут быть спокойно исключены. А задача G, ранее вовсе не предусматривавшаяся, может оказаться самой главной. На Востоке не могут понять смысл выражений: «Торопись, а то опоздаешь», «Второго шанса может и не быть». Второй шанс есть всегда, т.к. время совершает кругооборот. И даже лучше, если ты упустил возможность – когда время закончит свой цикл и вернется в исходную точку, ты будешь мудрее и лучше подготовишься.

III. Американский антрополог Э. Холл разделяет высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры в зависимости от их отношения к контексту. *Контекст* – это информация, окружающая и сопровождающая событие. **Высококонтекстуальные** культуры (Восток) отличает:

1. Невыраженная, скрытая манера речи, многозначительные и многочисленные паузы;
2. Серьезное значение придается невербальному общению и умению «сказать глазами»;
3. Избыточность информации излишня, поскольку все и так ясно;
4. Конфликт разрушителен и под любыми предлогами избегается;
5. Открытое выражение недовольства неприемлемо ни при каких условиях.

Высококонтекстуальные культуры присущи Японии, Китаю, Корее, Саудовской Аравии.

Низкоконтекстуальные культуры (Запад) отличает:

1. Прямая и выразительная манера речи, недоверие к молчанию;
2. Невербальное общение менее значимо;
3. Все должно быть выражено словами и всему должна быть дана ясная оценка;
4. Недосказанность ассоциируется с недостаточной информированностью говорящего;
5. Конфликт созидателен и часто применяется для решения назревших проблем;
6. В отдельных случаях возможно открытое выражение недовольства.

Низкоконтекстуальные культуры характерны для Скандинавских стран, Германии, Канады, США.

Важную роль в международных отношениях играет психология межкультурного взаимодействия. Различают четыре типа взаимодействия культур:

1. **Геноцид** - это такой тип взаимодействия культур, когда одна этническая или культурная группа, обычно численно доминирующая или обладающая превосходящими технологическими ресурсами, уничтожает всех членов другой группы, с которой она вступает в контакт.

2. **Ассимиляция** - это «поглощение» одной культуры другой, когда этнокультурная группа постепенно добровольно или вынужденно адаптируется к обычаям, ценностям, жизненным стилям доминирующей культуры.

3. **Сегрегация** - это изолированное, независимое существование этнических культур: Гарлем, где живут негры, Чайна-таун, где живут китайцы, Брайтон-Бич, где живут выходцы из России, японские, латиноамериканские кварталы, Беверли-Хиллз, где проживает элита США – WASP (White Anglo-Saxon Protestants – Белые англосаксонские протестанты).

4. **Интеграция** – единственно конструктивный способ взаимодействия народов, при котором представители разных культур сохраняют свои исходно присущие им национальные особенности, и взаимодействуют на основе общечеловеческих ценностей.

Одной из наиболее практически важных проблем межкультурного взаимодействия является культурный шок. Впервые культурный шок описал антрополог К.Оберг в статье «Культурный шок: адаптация к новой культурной среде», опубликованной в журнале «Практи-

ческая антропология» в 1960 г. Он определил его как утомляемость от культуры. Это психическое потрясение, испытываемое человеком при контакте с чужеродной культурой. Культурный шок связан с недостатком уверенности в себе, тревожностью, раздражительностью, бессонницей, психосоматическими расстройствами, депрессией.

К.Оберг выделил шесть аспектов культурного шока:

1. **Напряжение**, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации.
2. **Чувство потери или лишения** (друзей, статуса, профессии и собственности).
3. **Чувство отверженности** представителями новой культуры или отвержения их.
4. **Сбой** в ролях, ролевых ожиданиях, ценностях, чувствах и самоидентификации.
5. **Неожиданная тревога, даже отвращение** и негодование в результате осознания культурных различий.
6. **Чувство неполноценности** от неспособности совладать с новой средой.

Культурный шок – это процесс, распределенный во времени. Это привело к концепции *U - образной кривой приспособления*.

U - образная кривая адаптации в чужеродной культуре включает 3 основных этапа.

1. Первый этап характеризуется энтузиазмом и приподнятым настроением.
2. На втором этапе наступает фрустрация, депрессия, замешательство собственно культурный шок.
3. На третьем этапе они медленно сменяются уверенностью и удовлетворением.

Реадаптация к собственной культуре повторяет эти этапы, поэтому кривая реадaptации имеет W - образную форму.

Величина культурного шока зависит от культурной дистанции. Культурная дистанция - величина культурных различий между странами. Для ее измерения Бабицер разработал шкалу или индекс культурной дистанции (CDI). CDI (индекс культурной дистанции) включает фиксацию различий между культурами по темам: климат, одежда, пища, язык, религия, уровень образования, материальный комфорт, структура семьи, обычаи ухода за собой (сватовства).

В отдельных случаях культурный шок может приводить к нарушению психического здоровья – маниакально-депрессивному психо-

зу, алкоголизму, психосоматическим заболеваниям. Это объясняется семью теориями:

1. **Теория страдания** в психоаналитической традиции сравнивает миграцию с потерей социальных связей, близких, положения, имущества.

2. **Теория локуса контроля** заключается в том, люди с внутренним локусом контроля адаптируются легче и быстрее.

3. **Теория селективной миграции** заключается в том, что организмы, лучше приспособляющиеся к окружающей среде, становятся доминирующим типом.

4. **Теория «ценности ожиданий»** заключается в том, что низкие ожидания приводят к лучшему приспособлению.

5. **Теория негативных жизненных событий** заключается в том, что большие перемены в жизни приводят к психическим и физическим заболеваниям.

6. **Теория ценностных различий** объясняет культурный шок столкновением разных систем ценностей.

7. **Теория социальной поддержки.** Поддержка со стороны других людей препятствует психическим расстройствам и обеспечивает психологический комфорт личности.

Раздел межкультурного взаимодействия изучает различия вербальной и невербальной коммуникации стран мира.

Язык является одним из важнейших элементов культуры. Ещё в первой половине прошлого века В.Гумбольдт выдвинул *концепцию неразрывной связи внутренних языковых форм и «духа народа»*. Его последователи Э.Сепир и Б.Уорф пошли дальше, сформулировав теорию *«лингвистического детерминизма»*, согласно которой языковые формы оказывают существенное обратное воздействие на перцептивные, мыслительные и вообще когнитивные процессы, формируя этноспецифическую картину мира. По-английски можно выразить мысль в два раза короче, чем по-русски. В английском языке более 20 времен. Отношение к времени как важнейшему невозобновляемому ресурсу отражено в пословице: «Time is money». В русском языке времен только три.

Немецкий язык более подходит для четких, детальных инструкций. Жесткая система окончаний и строгий порядок слов мешают говорящему думать и делает его менее гибким. Немцу трудно изменить фразу посередине. Глагол стоит на последнем месте, поэтому собесед-

нику приходится внимательно слушать до конца, чтобы уловить смысл.

Американский английский все преувеличивает и упрощает. Склонность к гиперболам позволяет менеджерам «заводить» подчиненных и увеличивать вероятность успеха. Широко распространены грубый жаргон и идиомы.

Французский язык словоохотливость приравнивает к интеллектуальности. Молчание не сравнивается с золотом. Французы владеют своим языком, как шпагой.

Шведский язык демократичен. Форма Du позволяет двадцатилетнему журналисту обращаться на «Ты» к премьер – министру.

Арабский язык отличается частыми ссылками на Аллаха. Повышение голоса означает не гнев, а искренность.

Список литературы

1. Кочетков В.В. Психология межкультурных различий .М.: Per Se, 2002.
2. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. - М: Дело, 1999.
3. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.
4. Checkel J.T. Who Comply? Constructivism? Social Norms and the Study of International Institution//ARENA Working Paper 99/24/
5. Hall E.T. Beyond Culture. – N.Y.: Anchor Books, 1981.
6. Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). – New York: Harper Collins Publishers, 1994.
7. Russett B.M. World politics: the menu for choice. N.Y.: Freeman & Co, 1996.

Дефицит пресной воды как причина международных конфликтов

Кочетков В.В.
Пак Е.В.

Вода, а не нефть, является наиболее ценным видом жидкости в нашей жизни. Вода - это вещество, из которого зародилась сама жизнь на Земле и от которого она продолжает зависеть. Если у нас закончится нефть или другие виды ископаемого топлива, мы можем использовать альтернативные источники энергии. Если у нас не будет чистой питьевой воды, то наши дни сочтены. Более чем в 50 странах дефицит чистой воды был признан одной из важнейших проблем XXI века³⁸.

Основная забота человечества по отношению к водным ресурсам заключается в серьезной и всемирной нехватке пресной воды. На данный момент вода занимает $\frac{3}{4}$ поверхности Земли. Вся ирония заключается в том, что, несмотря на это, воду, пригодную для использования, не всегда можно найти в тех местах, где в ней есть необходимость, особенно в нужных объемах. Из 326,071,300 кубических миль водного покрова земли, 97,2% водных ресурсов находится в океанах. Такая вода непригодна для питья и слишком соленая для ирригации. Еще 2% пресной воды находится в форме льда и снега в Гренландии и Антарктике, либо содержится в месторождениях подземных вод. И менее чем 1% - а именно 0,01% всей воды на Земле – считается пригодной для человеческих нужд. Кроме того, подавляющая часть этой воды удалена от мест расселения людей. На пороге XXI века миллиарда людей на планете не имеет доступа к безопасной питьевой воде. Около 2,4 миллиардов людей – 40% мирового населения – испытывают недостаток надлежащей гигиены, а 3,4 миллиона людей умирает ежегодно от заболеваний, связанных с водой.

Постоянное чувство жажды стало уже неотъемлемой частью образа жизни не только обитателей Сахары и Ближнего Востока, но теперь и жителей Кореи и Бечуаналенда (государство Ботсвана). Сегодня население Австралии, как никогда прежде, испытывает нехватку

³⁸ По данным обзора Международного Научного Совета (International Council for Science)

воды. Жители северных штатов США с тревогой наблюдают, как обезвоживаются зеленые лужайки к концу засушливого лета, а уровень воды в водохранилищах опускается все ниже и ниже. Наоборот, в местах, богатых пресной водой, люди засоряют ее неочищенными сточными водами и промышленными отходами.

Как утверждает один из ведущих мировых экспертов по чистым водным ресурсам, Питер Глейк, глобальная неосведомленность в отношении этих фактов со стороны национальных правительств является «самой важной ошибкой XX века и главным вызовом XXI века»³⁹.

Проблема дефицита пресной воды имеет тенденцию постоянно нарастать на протяжении истории. Первые международные конфликты по поводу воды были отмечены еще до нашей эры, но наибольшее распространение они получили в 20 веке, перенеся причины вооруженных конфликтов с борьбы за землю на борьбу за воду. Следует отметить, что по вопросам истории вооруженных конфликтов из-за водных ресурсов практически нет комплексных исследований, за исключением работы Питера Глейка «Водные ресурсы и конфликты»⁴⁰, в которой он отмечает несколько десятков вооруженных конфликтов за последние 5 столетий с использованием водных ресурсов как инструментов войны. Также известность получила его «Хронология водных конфликтов»⁴¹, в которой в сжатой форме приводятся даты, причины, стороны и описание каждого водного конфликта, начиная с 30 века до нашей эры по 2008 год.

Основной причиной вооруженных конфликтов по проблемам пресной воды следует считать ее нарастающее потребление при остающемся неизменным количестве. Если обратиться к первопричине такого повышенного потребления, то можно заметить, что данная ситуация обусловлена ростом мировой экономики и нарастающим продовольственным кризисом. Уже в 2000 году была пройдена критическая точка несоответствия имеющихся и потребляемых водных ресурсов, в связи с чем Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном было сделано заявление о постановке водного вопроса в один ряд с глобальными проблемами человечества, имеющими первостепенное значение⁴².

³⁹ Gleick P. H. Water and Conflict. 1993.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Gleick P. H. Water Conflict Chronology. 2008.

⁴² Пильников Б. Итоги Всемирного саммита ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге // КОМПАС. 2002, 18 сентября.

Рассмотрим, как на протяжении истории проявлялась хронология водных конфликтов. На всем протяжении истории водные ресурсы служили не только целью войн, но и инструментами достижения государствами своих целей. Межгосударственные конфликты были вызваны многими факторами, включая религиозную враждебность, идеологические споры, приграничные конфликты, и экономическую конкуренцию. Хотя наибольший вес всегда имели ресурсные и экологические факторы. Не следует отделять эти факторы друг от друга, в некоторых регионах вода может играть разные роли, определяя местные конфликты.

Характеристики, которые определяют воду как стратегическую цель вооруженного конфликта, можно представить следующим образом:

- уровень дефицита;
- степень, до которой снабжение водой разделено больше, чем одним регионом или государством;
- относительная энергия бассейна государства;
- отсутствие альтернативных свежих водных источников⁴³.

Самым показательным примером региона, где поставки воды являлись стратегическими целями, можно считать Ближний Восток. Ближневосточный регион, с его многими идеологическими, религиозными и географическими спорами к тому же чрезвычайно засушлив. Даже те части Ближнего Востока с относительно обширными водными ресурсами, такими как долины рек Нил, Тигр и Евфрат, находятся под постоянно нарастающим давлением таких факторов, как рост населения, ирригация, и нехватка энергии. И каждая главная река в регионе пересекает все близлежащие международные границы.

Еще в седьмом столетии Ассирия захватила контроль над водными колодцами как реализация части ее стратегической войны против Аравии. В настоящее время, самые острые водные конфликты в этом регионе происходят в Иорданском Речном бассейне. В этом регионе интенсивные межгосударственные конфликты начались с образования Израиля в 1948 году. Неотъемлемой частью продолжающегося конфликта является прибрежный спор о реке Иордан. Хотя по международным нормам Иордан - маленькая река, ее бассейн разделен несколькими враждующими странами. Иордания, Сирия, Израиль и Ливан – государства с чрезвычайно нестабильными и изменчивыми

⁴³ Жильцов С., Зонн И. Борьба за воду // Национальная безопасность. 8 декабря 2008 г.

политическими и военными режимами. Ситуацию усугубляет то, что в данном регионе совсем немного альтернативных источников воды.

Река Нил, протекая на территории нескольких стран, имеет огромное региональное значение. Нил течет через большинство засушливых районов северной Африки и жизненно важен для сельскохозяйственного производства в Египте и Судане. Спор из-за контроля над водными ресурсами Нила приобретает все большую остроту по мере возрастания потребностей региона в пресной воде.

Впервые упоминаются проблемы, связанные с водой, в 30 веке до нашей эры. Эти упоминания имеют под собой религиозную подоплеку⁴⁴. Шумерская легенда, также как и библейская притча христиан, гласит о потопе, который свершился по причине людских грехов. Следующий водный конфликт военного характера отмечается 5-ю столетиями позже, когда король Лагаша осушает территории Умма, а его сын отрезает водные каналы от Гирсу, города в Умме. В 1790 году до нашей эры произошел спор, касающийся вопросов развития ирригации. Кодекс Хаммурапского государства Шумер определял наказания за небрежное отношение к оросительным установкам и кражу воды. В 720-705 гг. до нашей эры после успешной кампании по борьбе с армянами Саргон II Ассирийский разрушает их сложные ирригационные сети и обрушивает воды на их земли. В 695 году до нашей эры, подавленный ассирийцами Сеннахирим разрушает Вавилон и отводит один из главных оросительных каналов, так, что его воды омывают руины. В 612 году до нашей эры коалиции египтян, персиян и вавилонян атакуют и разрушают Ниневию, столицу Ассирии. Небополассар, отец Навуходоносора, приводит вавилонян. Стекающиеся армии отводят поток реки, что способствует повышению их осадных орудий на плотках. В 1958 году Египет отправил неудачную военную экспедицию в спорную территорию на фоне ведущихся переговоров по поводу вод Нила, суданских всеобщих выборов и референдума в Египте по вопросу объединения его с Суданом. Соглашение относительно вод Нила было подписано в Судане. В шестом веке нашей эры, когда Римская империя начала приходить в упадок, готы осадили Рим и отрезали почти все каналы, по которым вода поступала в город. В 537 н.э. произошла осада города. Единственным канал, который продолжал функционировать, был Аква Вирго, который проходил под землей. В 1187 году Саладин смог победить крестонос-

⁴⁴ Gleick P. H. Water Conflict Chronology. 2008.

цев на Рога Хаттин, лишив их доступа к воде. В некоторых источниках говорится, что Саладин засыпал песком все каналы на этом пути. Также были уничтожены деревни христиан-маронитов, которые снабжали христианские армии водой. В 1503 году по плану Леонардо да Винчи и Макиавелли, в ходе конфликта между Пизой и Флоренцией была отведена река Арно от Пизы. В 1573 году в начале 80-летней войны с Испанией, Голландия затопила земли, чтобы прорвать блокаду испанских войск в городе Алкмар. Тот же способ использовался для защиты Лейдена в 1574 году. Эта стратегия стала известна как Голландская Водная Линия и часто использовалась для защиты в более поздние годы. В 1672 году Людовик XIV начинает третью голландскую войну, в которой французы захватили Нидерланды. В ходе обороны, голландцы открыли свои дамбы и затопили страну, создав водные барьеры, которые были практически непроходимыми. Военный конфликт возник между Англией и Францией в 1898 году, когда французская экспедиция пыталась получить контроль над истоками Белого Нила. Хотя стороны, в конечном счете, провели переговоры об урегулировании спора, инцидент был охарактеризован как «Египетская зависимость от Нила». В 1777 году британцы и уроженцы Гессена атаковали системы водоснабжения Нью-Йорка. Питер Глейк пишет, что «...Противники бессмысленно уничтожили систему городского водоснабжения в Нью-Йорке во время войны за независимость»⁴⁵. В 1850-х гг. была атакована плотина Нью-Гемпшир, которая отводила воды от заводов вниз по течению, и местные жители были недовольны ее влиянием на уровень воды. В Китае в 1870 г. местные чиновники и правительство дважды разрушали несанкционированные дамбы в провинции Хубэй. В 1938 году Чан Кайши приказывает уничтожить противопаводковые дамбы раздела Хуанкоу реки Хуанхэ (Желтая), чтобы затопить территории, на которых находились армии противника. Уэст даек Кайфэн был уничтожен с помощью динамита, после взрыва которого произошел разлив воды по равнине. Наводнения уничтожили часть армии противника и тяжелой техники. Водой было залито, по различным оценкам, от 3000 до 50000 квадратных километров, а количество погибших оценивалось от десятков тысяч до миллиона человек⁴⁶.

Во время Второй мировой войны гидроэлектростанции регулярно бомбились, также как и другие стратегически важные объекты. Нем-

⁴⁵ Gleick P. H. Water and Conflict. 1993.

⁴⁶ Gleick P. H. Water Conflict Chronology. 2008.

цы затопили долину реки во время битвы в Арденнах (зима 1944 – 1945 гг.), создав озеро 16 км в длину, 3-6 км в ширину и 1-2 метра в глубину, что значительно задержало продвижение американской армии к Рейну. Единственным известным немецким тактическим применением биологического оружия было загрязнение большого водохранилища на северо-западе Чехии сточными водами в мае 1945 года⁴⁷.

Рассмотреть всю хронологию исторических конфликтов по вопросам чистой воды не представляется возможным в силу большого объема рассматриваемых вопросов. Это представляет собой тему отдельного исследования. Поэтому обратим внимание, прежде всего, на вооруженные конфликты 20 столетия, имеющие первоочередное значение для наших современников⁴⁸.

Централизованные дамбы на реке Ялуцзяна, служащие Северной Корее и Китаю, подверглись нападению во время корейской войны. В 1960-х ирригационные системы водоснабжения в Северном Вьетнаме бомбили Соединенные Штаты Америки.⁴⁹

В 80-годы прошлого столетия секретными службами США было установлено порядка 10 районов в мире, где могут возникнуть конфликты, связанные с водой. К таким регионам были, прежде всего, отнесены Аравийский полуостров и Ближний Восток. Также возникновению данного рода конфликтов подвержены Эфиопия и Египет, Ангола и Намибия, Индий и Китай. Что касается водных бассейнов, то среди них следует отметить реки Нил, Тигр, Евфрат, Иордан и Инд⁵⁰.

Раздел бассейна реки Иордан служит причиной достаточно долгих конфликтов между Израилем, Иорданией и Палестинской автономией. После обретения Израилем в 1948-1955 гг. собственной государственности, данные страны так и не смогли прийти к разумному соглашению относительно дальнейшего развития или распределения водных ресурсов. Выдвинутые странами предложения были выгодны каждой стране по отдельности, но не могли быть реализованы в масштабах всего региона. Поскольку общего соглашения между странами не было заключено, каждая из них приступила к собствен-

⁴⁷ Там же

⁴⁸ Gleick P. H. Water Conflict Chronology. 2008.

⁴⁹ Там же

⁵⁰ Там же

ному плану водохозяйственного развития, что не могло не повлечь за собой проблем в сфере безопасности⁵¹.

Так, к примеру, в 1951 году Иордания обнародовала свои планы на орошение в долине реки Иордан, подействовав на реку Ярмук. Израиль ответил, начав осушение болот Хула, расположенных в демилитаризованной зоне между Израилем и Сирией. Из-за этого возникали стычки на границе между Израилем и Сирией. В 1948 году во время первой арабо-израильской войны арабские войска отрезали водоснабжение в Западном Иерусалиме. В 1962 году Израиль уничтожил ирригационный канал в демилитаризованной зоне в нижнем Таркифе. В 1955 г. Израиль организовал Национальную водохозяйственную компанию для отвода воды из реки Иордан в южные регионы Израиля и пустыню Негев, где численность населения постоянно росла. Поэтому в 1964 году Иордания и Сирия организовали строительство дамбы в целях изменения течения рек Баньяс и Ярмук, чтобы помешать проводимой Израилем компании. И, как результат, возникли разногласия, которые явились причиной войны 1967 года, когда Израиль разрушил построенную дамбу и занял сектор Газа, Голанские высоты и берег реки Иордан, укрепив свои позиции в контроле над пресноводными ресурсами таких источников, как верховье и источники реки Иордан, часть реки Ярмук и верховья реки Баньяс. И, как следствие, Израилем были организованы несколько крупных ирригационных проектов⁵².

В последние 20 лет усиление освоения водно-энергетического потенциала вод Евфрата Турцией вызвало беспокойство Сирии и Ирака, т.к. они считали, что план по строительству 22 плотин (7 – на Евфрате) лишит их от 40 до 90% стока воды Евфрата. В связи с чем в 1987 году между Турцией и Сирией была достигнута договоренность, в соответствии с которой Турция должна была обеспечивать ежегодный сток воды на сирийскую территорию в объеме 500-850 м³/с. Уже в 1990 году Сирия и Ирак решили, что турецкая плотина Ататюрк будет забирать слишком большую часть стока Евфрата для орошения равнины Урфа в Турции. Причиной данного опасения стал тот факт, что Турцией в 1990 году на месяц был перекрыт Евфрат для заполнения водохранилища. По причине грандиозной водохозяйственной деятельности Турции возникали неоднократные попытки урегулирования со стороны недовольных стран. И, чтобы как-то снизить накал

⁵¹ Там же

⁵² Gleick P. H. Water Conflict Chronology. 2008.

межгосударственных противоречий, Турцией был предложен проект *Трубопровод мира* - строительство крупного водовода по подаче воды рек Сейхан и Джейхан в Сирию, Израиль, Иорданию, страны Персидского залива. В свою очередь, Ирак организовал строительство водохозяйственного комплекса Тартар на реке Тигр, который вмещал 69 % суммарного стока страны – 105 км³.⁵³

В 90-е годы 20 столетия река Нил также стала причиной споров между Суданом и Египтом, и рядом других стран, таких как Танзания, Эфиопия, Уганда, Кения в силу быстрого роста численности населения данных стран и, как следствие, возрастающей потребностью в водных ресурсах. По причине существующих противоречий, между странами существовали односторонние и многосторонние договоренности по опреснению и переброске вод. В 1947 году была построена плотина, которая поделила реку Ганг между Бангладеш и Индией. Строительство плотины Фаракке в Индии началось в 1962 году, усиливая напряженность. Споры были урегулированы краткосрочными соглашениями в 1977 – 1982 гг., 1982 – 1984 гг., 1985 – 1988 гг., и 30-летний договор был подписан в 1996 году. В 1947-1960-х гг. водораздел поделил бассейн Инда между Индией и Пакистаном; споры возникали по поводу орошения. Впоследствии в суданской провинции Дарфур вспыхнули военные действия из-за нехватки воды и продовольствия во время засухи. Борьба велась за доступ к водохранилищу, снабжавшему водой более 60 тыс. сингальцев. В кровопролитии погибло порядка 1000 человек, и данная история послужила поводом для более масштабных конфликтов. Раздел водных ресурсов рек Тигр, Иордан, Нил и Евфрат неоднократно приводил к угрозе военных действий. Так, например, Дамаск выдвинул требование об увеличении количества забираемой из Евфрата воды, на что Анкара ответила отказом. Египет долгое время занимал жесткую позицию в отношении Нила, пытаясь сконцентрировать наибольшее количество водных ресурсов на своей территории, как, например, в 1960-е годы при строительстве Асуанской плотины. Проблема воды становится для Египта все более насущной, к тому же Судан, исламистски настроенный, стремится разорвать соглашение 1959 года относительно раздела вод Нила.⁵⁴

Серьезные проблемы с водными ресурсами существуют в Центральной Азии. В данном регионе протекают реки Амударья и Сыр-

⁵³ Gleick P. H. Water Conflict Chronology. 2008.

⁵⁴ Gleick P. H. Water and Conflict. 1993.

дарья, которые формируются из снега и ледников в горах Таджикистана и Киргизии. В результате Казахстан, Туркменистан и Узбекистан находятся в серьезной зависимости от Таджикистана и Киргизии⁵⁵.

В 1980-м году была зафиксирована катастрофическая ситуация полного разбора рек Амударьи и Сырдарьи, что произошло по причине непродуманного решения водных проблем. Межгосударственные конфликты в этом регионе все более нарастают за последние десятилетия, т.к. каждая из стран Центральной Азии пытается использовать водные ресурсы максимально интенсивно⁵⁶.

Десять лет назад, по оценкам Китайской академии наук, было установлено, что существующих в этой стране запасов воды хватит только на 700 миллионов людей. Это было предупредительным сигналом, поскольку население Китая уже тогда достигло 900 миллионов человек. Будучи неспособными увеличить объемы водоснабжения, Политбюро Китая нашло более простой выход из создавшейся ситуации. Данные исследования были пересмотрены, и сделан вывод о том, что данных запасов достаточно для 1,1 миллиарда людей. По мере того как численность населения продолжает расти и теперь переходит отметку 1,1 миллиарда, Китай постепенно увеличивает допустимые показатели в результатах исследования.

Лидеры КНР, осведомленные о суровости текущего дефицита водных ресурсов, стали фокусироваться на национальных талантах в научных сферах, связанных с водой. В стране стал вестись разработки по развитию солеустойчивых и засуховыносливых урожаев. Это привело к определенным успехам в возрождении почв, поврежденных солью⁵⁷.

Таким образом, следует отметить, что проблема дефицита пресной воды имеет давние корни и берет свое начало еще в 3000-х гг. до нашей эры. По мере развития человечества, борьба за водные ресурсы приобретает все более угрожающие формы. Она все чаще приводит к межгосударственным конфликтам. Эта ситуация будет только обостряться потому, что вода стоит в числе первостепенных по важности ресурсов. Дефицит воды не просто накладывает ограничения на рост населения и экономический прогресс, но и, что не менее важно, ставит под угрозу здоровье миллионов людей.

⁵⁵ Султанова А. Казахстану не хватает воды // Независимая Газета - Дипкурьер. 2008, 31 марта.

⁵⁶ Gleick P. H. Water Conflict Chronology. 2008.

⁵⁷ Bird M. Dried Out // Time. Monday, May. 07, 2001.

Разумеется, водные ресурсы Земли не заканчиваются в буквальном смысле слова. Но люди испытывают все большие трудности с управлением, распределением и сбережением той воды, что существует на Земле. В некоторых районах гидрологический цикл – в соответствии с которым чистая дождевая вода и снег в конечном итоге испаряются, конденсируются в облака и выпадают снова в виде осадков – может занимать больше времени до момента достижения завершающей стадии. Таким образом, люди используют воду быстрее, чем природа может ее воспроизводить.

Отчасти кризис с водными ресурсами случился из-за естественных циклов экстремальных погодных условий и расширения засушливых местностей. Но человеческая деятельность сыграла гораздо большую роль в возникновении дефицита воды и «водного стресса». Государства в целях промышленного и сельскохозяйственного роста перенаправляют реки, высушивают заболоченные местности, сбрасывают отходы, вырубая леса и тем самым нарушают цикл нормального функционирования чувствительных экосистем.

В последнее время становится очевидно, что человеческие возможности перемещения воды из одного места в другое, не приводящим к серьезным нарушениям природного баланса, ограничены.

Глава Тихоокеанского института исследований по развитию, окружающей среды и безопасности Питер Глейк говорит, что правительства, негосударственные организации и местные сообщества должны браться за решение этой проблемы как самой приоритетной и внеочередной. Он также говорит, что существует много методов борьбы с данной проблемой, и экономические издержки не так высоки в сравнении с теми последствиями, которые ждут мир в случае неудовлетворения человеческих нужд⁵⁸.

Всемирная Комиссия по водным ресурсам предупредила, что в настоящее время мы сталкиваемся с мировым дефицитом воды, и кризисная ситуация будет только усугубляться⁵⁹. Последствиями неудачи по ликвидации данного дефицита станут рост цен на продовольствие и дорогостоящий импорт продовольственных товаров в страны с большим недостатком воды, которые преимущественно являются бедными. Голод и жажда также могут привести к политической нестабильности и низким темпам экономического роста.

⁵⁸ Bird M. Dried Out // Time. Monday, May. 07, 2001.

⁵⁹ Там же

Какими бы ни были последствия водного кризиса для человека, он оказывает еще большее влияние на практически всех представителей живой природы. Рыбы, птицы и бесчисленное множество других живых существ вытеснены, поставлены в безвыходное положение, либо отравлены в результате деятельности человека, а в случае дефицита водных ресурсов погибнут и исчезнут вовсе.

По мере того, как мир стал относиться к данной ситуации все серьезнее, выдвигается ряд предложений, новых и старых. Они включают в себя: сокращение излишних трат воды в процессе орошения; опреснение (там, где позволяют энергетические ресурсы и денежные средства, как например, в Саудовской Аравии); переработка; осуществление правильного выбора уровня урожайности и скота при зерновом откорме на местном уровне, применение низкзатратных технологий по хлорированию и солнечной дезинфекции; увеличение «сбора» воды для сельскохозяйственного использования из таких источников, как дождь и туман; транспортировка воды, пригодной для питья в огромных полиуретановых емкостях в засушливые местности, разведка новых запасов воды и т.д. Но каждому эксперту по водным ресурсам известно, что не существует быстрого и простого пути предотвращения угрозы нехватки воды.

Проблема дефицита водных ресурсов не найдет своего решения даже в том случае, если бы человечество нашло новые запасы водных ресурсов и они бы помогли ослабить давление на реки и озера, временно стать манной небесной для миллионов людей. В любом случае, если человеческое сообщество снова начнет вести дела привычным для себя образом, эта находка только отсрочит день «приговора» для людей и всех других живых существ. Человечество долго заблуждалось по поводу того, что недостаток воды всего лишь отражает временные проблемы ее распределения. И развитые, и развивающиеся страны, наконец, осознают, что мировые запасы чистой воды являются исчерпаемыми и уязвимыми ресурсами, являясь в то же время незаменимым сырьем, которое необходимо уважать и относиться должным образом.

Как говорит Питер Глейк, «мы должны пересмотреть управление водными ресурсами»⁶⁰. Становится ясно, что мы больше не живем в эпохе или в мире, где реки могут бесконечно перегораживаться дамбами, месторождения подземных вод безжалостно откачиваться, эко-

⁶⁰ Bird M. Dried Out // Time. Monday, May. 07, 2001.

системы разрушаться и истощаться. Подготовка к годам засухи уже считается нормой. Во всех своих проблемах с водой, за все споры со своими соседями из-за водных ресурсов страны должны винить прежде всего самих себя. Некоторые страны растрачивают свои запасы в бессистемных ирригациях, загрязняют готовые источники. Государства должны сконцентрироваться на том, как использовать имеющуюся в наличии воду. Необходимость контроля со стороны населения над водными ресурсами с каждым днем становится все более очевидной. Только рациональное использование пресной воды сможет решить проблему дефицита водных ресурсов.

Список литературы

1. Жильцов С., Зонн И. Борьба за воду // Журнал «Национальная безопасность». 8 декабря 2008.
2. Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. М.: Наука. 2007.
3. Пильников Б. Итоги Всемирного саммита ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге // КОМПАС. 18 сентября 2002.
4. Султанова А. Казахстану не хватает воды // Независимая Газета -Дипкурьер. 2008, 31 марта.
5. Clare M.T. Resource Wars: The New landscape of Global conflict. New York, 2001.
6. Gleick P. H. Water and Conflict. 1993. - 34 p.
7. Gleick P. H. Water Conflict Chronology, 2008. - 46 p.
8. Time Hydrology: A Question of Birthright Friday, Oct. 01, 1965
<http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,834441,00.html>
9. Time Business: The Water Problem, Monday, Jun. 20, 1955
<http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,861630-1,00.html>
10. Time Dying for a Drink. By Bryan Walsh Thursday, Dec. 04, 2008
<http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1864440,00.html>.
11. Time Environment: The Last Drops. By Eugene Linden; Andrea Dabrowski/Mexico City, Anita Pratap/New Delhi and Amany Radwan/Amman
<http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,970947,00.html>
12. Time Dried Out By Maryann Bird. Monday, May. 07, 2001
<http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,108131,00.html>

Рольевые модели поведения индивида в конструировании транснационального пространства современной мировой политики⁶¹

Красина О.В.

Постановка подобной темы предполагает ответ на два принципиальных вопроса: (1) что есть транснациональное пространство мировой политики и каким образом его структуры отличаются от иных институтов мировой политики? (2) Как возможно участие индивида в конструировании транснационального пространства мировой политики? Безусловно, в рамках данных тезисов мы не пытаемся дать ответ на поставленные вопросы, но скорее предлагаем направление для возможной дискуссии.

В рамках данного конкретного исследования в основном выводы делались на основе проведенного эмпирического исследования (опрос) и как результат включенного наблюдения автора в процессы транснационального взаимодействия, развивающиеся между Россией и Японией.

С точки зрения ответа на первый вопрос - о природе транснационального пространства мировой политики, сама проблематика поднимается в литературе еще в 1970 гг. и связана с такими авторами как Р. Кеохейн и Дж. Най, которые говорят о резком усложнении структуры мировой политики вследствие развития системы транснациональных взаимодействий⁶². Аналогичную оценку примерно в это же время высказывают Дж. Розенау и К. Томпсон, которые в своей работе 1976 г. "Мировая политика" также утверждают об активном распространении множественных транснациональных взаимодейст-

⁶¹ Данные тезисы сделаны на основе материалов совместного российско-японского исследования, в котором автор выступил в качестве одного из организаторов и которое было проведено в 2006-2008 гг. на базе факультета кросс-культурных исследований университета Кобе (Япония). Результаты исследования более подробно представлены в следующих монографиях: Красина О.В. Индивид как актор в рамках конструирующегося транснационального пространства мировой политики (монография) - М.: Прометей, 2007 - 136 С., Красина О.В., Крутий И.А., Зангиева И.К. Развитие транснационального пространства в контексте взаимодействия современных обществ: Россия - Япония - М.: изд-во СГА, 2009

⁶² Keohane R. O., Nye J. Jr. (eds.). Transnational relations and world politics - Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1972 - pp. xiii-xiv

вий, меняющих не только структуру, но и влияющих на изменение природы самого феномена мировой политики⁶³.

Уже на первом этапе исследований транснационального пространства, обращают внимание на то, что и само транснациональное пространство, и его структуры не были спроектированы и/или созданы государствами как субъектами мировой политики сознательно или в соответствии с неким сценарием развития системы международных отношений, но во многом возникли спонтанно, как следствие изменения самого феномена мировой политики и как реакция на усложнение международно-политических процессов, с одной стороны, и приближения их к индивиду, к его повседневности в форме различного рода глобальных проблем, захватывающих и "ангажирующих" индивида, с другой стороны⁶⁴.

С момента своего возникновения в рамках транснационального пространства формируются множественные каналы обмена информацией, организации совместной деятельности и т.п., которые связывают напрямую различные социумы и/или социальные группы и этнические сообщества. Их развитие продолжается до настоящего момента и стимулируется различными факторами, среди которых в литературе чаще всего обращают внимание на активизацию различных миграционных процессов, в том числе и появления новых форм (например, "виртуальная миграция") и развитие коммуникативных технологий.

Распространение в последнее время различных форм транснационального взаимодействия и расширение форм участия граждан в транснациональной активности актуализирует проблему позиционирования индивида в транснациональном пространстве.

Мы можем говорить о существовании достаточно разработанных исследовательских направлений, описывающих конкретные формы проявления индивида как участника транснационального пространства. Так, например, можно упомянуть здесь изучение глобализированных протестных движений молодежи, которые рассматривались в контексте так называемых новых социальных движений⁶⁵.

Еще одно направление, длительное время являвшееся доминировавшим в области изучения транснационального пространства, связа-

⁶³ Rosenau J.N., Kenneth Th. W., Boybl G. (eds.). World politics. - N.Y.: McMillan Press, 1976 - p. 274

⁶⁴ Padelford Norman J., Lincoln George A., Olvey Lee D. The dynamics of International politics - N.Y.: McMillan publishing Co., 1976

⁶⁵ S. Tarrow *The New Transnational Activism*. Cambridge University Press, 2005; S. Tarrow, Donatella della Porta, eds. *Transnational Protest and Global Activism*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2005

но с изучением формирования трансмигрантских общин⁶⁶. Один из его представителей, С. Саския, предлагает следующее определение транснационализма – это «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы»⁶⁷.

Следовательно, транснациональное пространство выступает как мульти или билокальность, в контексте которой разворачивается собственно транснациональное взаимодействие. Ключевым моментом в рамках данного направления является именно возможность и/или способность пересекать границу не только в узком смысле, как границу государства, но и в более широкой трактовке как пересечение границы социума. Трансмигрант обладает способностью устанавливать и развивать различные формы кросс-культурного взаимодействия, встраиваясь в социальные структуры принимающего социума и сохраняя свои старые социальные связи.

Одновременно с диверсификацией транснационального пространства происходит и расширение объектов исследования, что связано с появлением новых форм транснациональной активности, а именно виртуальных сообществ, деятельность которых опосредована ИКТ⁶⁸. В последнее время можно говорить о постепенном расширении так называемых кросс-культурных исследований, целью которой является оценка социо-культурной специфики участия индивида в транснациональном пространстве современной мировой политики⁶⁹. В рамках последнего направления обращается внимание на цивилизационную специфику в организации транснационального взаимодействия, способность индивида к организации кросс-культурного взаимодействия и преодоления социо-культурных барьеров в конструировании транснационального пространства.

Ситуация транснационального взаимодействия, особенно в случае существенных различий между культурами страны - источника и страны – пребывания, становится кризисной для индивида как дейст-

⁶⁶ См. например, Кайзер М., О. Бредникова. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) ч. III Государство в мире без границ: новые формы участия и исключения // Миграция и национальное государство – СПб.: ЦНСИ. 2004 – 216 С.

⁶⁷ Цит. По: Кайзер М., О. Бредникова. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) ч. III Государство в мире без границ: новые формы участия и исключения // Миграция и национальное государство – СПб.: ЦНСИ. 2004

⁶⁸ Jayne Rodgers . Spatializing International Politics: Analysing Activism on the Internet. - New York: Routledge. - 2003

⁶⁹ см., напр.: Dominique Caouette. Thinking and Nurturing Transnational Activism in Southeast Asia. Connecting Local Struggles With Global Advocacy - Université de Montréal press, 2006; Nicola Piper , Anders Uhlin (eds.). Transnational Activism in Asia: Problems of Power and Democracy. - N.Y.: Routledge. - 2003

вующего субъекта, так как происходит столкновение различных способов организации пространства и времени, восприятия и структурирования социального контекста.

В рамках нашего исследования мы выбрали человеческий капитал как параметр, через изменение которого в процессе участия индивида в конструировании транснационального пространства мы попытались выделить в наиболее общем виде возможные социальные статусы и роли, возникающие в этой ситуации.

Попадая в иной социо-культурный контекст и одновременно сохраняя связи со своим исходным социо-культурным окружением участник транснационального взаимодействия выступает своего рода "мостиком", связующей точкой в организации прямого взаимодействия двух и более социумов.

Безусловно, мы говорим здесь скорее о потенциальной возможности, что было подтверждено и нашим исследованием, когда часть респондентов оказались неспособны в силу различных факторов (незнание языка, незнание культуры принимающей страны, отказ от освоения новых моделей поведения, несовпадение ожидаемого образа и действительности принимающей страны и т.д.) к выстраиванию транснациональных коммуникаций. Обратной стороной здесь оказывается ситуация полной ассимиляции, когда индивид сознательно минимизирует контакты со своей страной-источником и "мимикрирует", стараясь максимально соответствовать культуре принимающей страны.

О ситуации транснационального взаимодействия можно говорить, когда индивиду удастся создать достаточно устойчивые сети кросс-культурной коммуникации, имеющие тенденцию к расширению. Создание такой сети предполагает от индивида не только определенные организационные навыки, но и умение выстраивать взаимодействие на "общих основаниях", присутствующих в культурах различных социумов, хорошее знание культуры и организации повседневности принимающей страны, знание языка и умение вести социо-культурный диалог и/или полилог.

Эта ситуация может быть для индивида стрессовой и потенциально конфликтогенной, что вынуждает его к быстрой адаптации и освоению навыков организации кросс-культурного обмена.

Наша исходная гипотеза состояла в том, что ситуация транснационального взаимодействия провоцирует изменения человеческого капитала, как то:

- активация его ранее не задействованных элементов (например, навыки работы с информационно-коммуникативными технологиями, навыки сравнительного анализа, лидерские черты, менеджерские качества и т.п.),

- освоение новых навыков и умений для повышения качества собственного человеческого капитала и ассимиляции в новом социо-культурном контексте (изучение культуры и языка принимающей страны, освоение различных технологий переговорного процесса и/или организации общественного дискурса, освоение правил организации повседневной жизнедеятельности принимающей страны и т.п.).

Мы видим этот процесс как двусторонний, когда индивид не только изменяет собственный человеческий капитал, но и используя коммуникативные, лидерские и иные навыки популяризирует в ином социо-культурном контексте ценности своей исходной культуры, создавая положительный образ себя как представителя определенной страны. Массовизация подобного рода деятельности создает на социальном уровне в качестве своей производной образ страны, с которой возможно и желательно сотрудничество. Это одно из проявлений феномена современной мировой политики, который, например, Дж. Най называет "мягкой силой"⁷⁰, а отечественный исследователь В. Молодяков "мягким конструированием образов"⁷¹. Это позволило нам выделить ряд параметров, определяющих социальные статусы участников транснационального пространства и их способность к участию в его конструировании:

- умение "перевода/трансляции" культурных норм, ценностей, элементов социального пространства и т.п. на язык иного социокультурного контекста, то есть способность сделать понятными для Другого свою культуру и социум

- умение коммуникации, то есть организации взаимообмена информацией, когда индивид не только "впитывает" новую для него социальную и культурную информацию, но и сам становится ретранслятором в иной социо-культурный контекст собственных норм, ценностей и т.п., обладает способностью к популяризации своей исходной культуры и распространения ее на уровне организации повседневной жизнедеятельности.

- умение активизации локальности, то есть придание

⁷⁰ Най Дж. Гибкая власть Как добиться успеха в мировой политике - М., 2006

⁷¹ см. например: Михайлова Ю.Д., Молодяков В.Э. Россия и Япония: "образы и репрезентации". Тезисы // <http://www.intlhiroshima-cu.ac.jp/>

актуальности/значимости той сети взаимодействий, которую индивид организует. Здесь фиксируется особое отношение к участию в транснациональном пространстве, придающее для индивида значимость организуемой им деятельности: «...это предвосхищение не всякого будущего в абстрактном смысле, а ангажирующего нас будущего, которым мы будем всерьез задеты»⁷².

- умение конструировать собственную национальную идентичность как бренд, который может быть представлен в виде определенной системы знаков и символов для Другого. В отличие от параметра "перевода понятий", создание такого бренда не предполагает его обязательной понятности Другому, но акцентирует такие моменты как яркость, привлекательность, образность и т.п.

- лидерские умения, что предполагает способность индивида к привлечению внимания к себе и своей культуре в контексте транснационального пространства, где он оказывается в ситуации жесткой конкуренции (для примера можно упомянуть ситуацию университетского общежития для иностранных студентов, где происходит взаимодействие не между носителями двух различных культурных и социальных систем, но конструируется поликультурное пространство, внутри которого общей основой для коммуникации становится учеба в университете/пребывание в данной стране и возникает ситуации конкуренции культур и образов жизни представителей различных социумов. Провоцируя активное взаимодействие между индивидами из различных социумов, эта ситуация в тоже время остается потенциально конфликтогенной).

- организаторские качества, то есть умение управлять создаваемой им сетью транснациональных взаимодействий или, на более высоком уровне, транснациональной структурой, поскольку длительный характер ее существования создает основу для организации сотрудничества в контексте системы транснациональных взаимодействий.

Это позволило нам выделить ряд социальных ролей и статусов индивида, отличающихся по степени его способности к активному участию в конструировании транснационального пространства (Таблица 1).

Примечание: В разработке данной модели мы опирались преимущественно на результаты проведенного нами эмпирического ис-

⁷²

Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование – М.: Алгоритм, 2002 – С. 42

следования, а также, на методологию глобального прогнозирования, предложенную Панариным А.С.⁷³, который рассматривает пространство мира в логике "вызова - ответа", где каждое действие является вызовом, порождающим лишь частично прогнозируемые множественные ответы на различных уровнях мировой политики; а также, теорию транснациональной активности С. Тарроу (см. ранее сноску 5, S.Tarrow [2005]).

Таблица 1.

Социальные статусы и социальные роли индивида в контексте транснационального пространства

Социальные статусы	Социальные роли
гражданин - участник транснационального взаимодействия, который позиционирует себя как представителя определенного государства, носителя определенного социо-культурного контекста, популяризируемого и раскрываемого им в процессе транснационального взаимодействия. Главным для него становится позиционирование образа определенного государства как некоего бренда, символа и/или разрушение негативных стереотипов по отношению к своей стране	актор - возможность креативной деятельности в области социального творчества, которая позволяет индивиду реализовать себя как гражданина в политико-социологической трактовке – как актора, деятеля, перерешающего собственный жизненный сценарий и принимающего участие в социально-значимой деятельности по обустройству пространства совместной жизнедеятельности. Это предполагает от индивида в первую очередь способность к сотрудничеству и поиску иного/особого решения проблемы или сценария взаимодействия. Актор транснационального пространства зачастую является источником инновации, креативных решений в конструировании транснационального пространства. Но в тоже время, его поведение носит венчурный характер и может спровоцировать заранее неспрогнозируемые последствия, в том числе и негативные
профессионал - «человек организации» (например, работник	зритель - индивид для которого характерно пассивное участие в

73

Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование – М.: Алгоритм, 2002 – С. 352

<p>транснациональной корпорации) в контексте транснационального пространства, целью которого является повышение профессиональной компетентности, развитие профессиональных сетей для продвижения определенного вида продукта/услуги/технологии в пространстве глобальной экономики и/или повышения собственного профессионального статуса.</p> <p>В последнее время по мере становления глобального образовательного и научного пространства и расширения межвузовского сотрудничества в качестве такого рода профессионала все чаще выступают студент и исследователь/ученый, для которых это участие становится не только механизмом получения новых знаний, но и освоения иного социокультурного контекста, обучения новым социальным технологиям, привносимым ими в страну-источник</p>	<p>транснациональной сетевой структуре, фактически сводится лишь к просмотру сообщений и участию в опросах на Интернет-форумах. Хотя формально индивид является участником транснациональной сетевой структуры (зарегистрирован), в действительности его включения в ее деятельность не происходит. Оно может осуществляться периодически и скорее всего будет носить виртуальный характер, например, когда зритель оставляет комментарии к посту и/или отправляет сообщение через виртуальную систему рассылки новостей.</p>
<p>житель - укорененный в локальном пространстве индивид, осваивающий окружающее пространство как преимущественно пространство повседневности, стремящийся к реализации своих интересов посредством участия в транснациональных сетевых структурах. Для него целью взаимодействия является создание максимально комфортного окружения, почему житель очень часто становится именно тем участником конструирования транснационального пространства, который привносит в него локальные структуры, ценности и модели поведения из повседневности, обыденной ежедневной жизни</p>	<p>статист - участие как способ преодолеть социальный вакуум, создающее иллюзию активного социального взаимодействия, но сводящееся лишь к обсуждению частных проблем и интересов («социальные сети», например Одноклассники и т.п.) и выполнению функции «массы/толпы» в функционирующей транснациональной сетевой структуре. Порождая иллюзии социальной вовлеченности и активности индивида, в действительности способствуют его замыканию в пространстве частного, сокращают его реальное взаимодействие и приводят к большему отрыву от реального</p>

(например, первая волна эмиграции россиян в Японию в н. 20 в., которая среди прочего внесла изменения в систему питания Японии - существующая до настоящего времени фирма Morozoff, основатель которой, Борис Морозов, одним из первых начал производить в г. Кобе, шоколадные конфеты и другие сладости, пользовавшиеся в н. XX в. популярностью в России, и способствовал распространению российской культуры чаепития - www.morozoff.co.jp)	социального окружения.
---	------------------------

Безусловно, что это деление носит условный характер и в каждый конкретный момент времени индивид представляет собой сочетание указанных ролей и социальных статусов, определяющее уникальность его включения в конструирование транснационального пространства.

Таким образом, проведенный анализ показал множественность потенциальных статусов и ролей индивида, включенного в транснациональное пространство. Выделенные нами статусы и роли являются скорее идеально-типическими, в то время как в ситуации действительного транснационального взаимодействия индивид одновременно может выступать в различных ролях и статусах, определяемых как его социо-культурной основой, так и собственно личностными характеристиками самого индивида как участника транснационального пространства.

Список литературы

1. Dominique Caouette. Thinking and Nurturing Transnational Activism in Southeast Asia. Connecting Local Struggles With Global Advocacy - Université de Montréal press, 2006
2. Keohane R. O., Nye J. Jr. (eds.). Transnational relations and world politics - Cambridge, Mass.: Harvard university press, 1972
3. Padelford Norman J., Lincoln George A., Olvey Lee D. The dynamics of International politics - N.Y.: McMillan publishing Co., 1976
4. Piper Nicola, Uhlin Anders (eds.). Transnational Activism in

Asia: Problems of Power and Democracy. - N.Y.: Routledge. - 2003

5. Rodgers Jayne. Spatializing International Politics: Analysing Activism on the Internet. - New York: Routledge. - 2003

6. Rosenau J.N., Kenneth Th. W., Boybl G. (eds.). World politics. - N.Y.: McMillan Press, 1976

7. Tarrow S. *The New Transnational Activism*. Cambridge University Press, 2005

8. Tarrow S., della Porta Donatella (eds.). *Transnational Protest and Global Activism*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2005

9. Кайзер М., О. Бредникова. Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) ч. III Государство в мире без границ: новые формы участия и исключения // Миграция и национальное государство – СПб.: ЦНСИ. 2004

10. Красина О.В. Индивид как актор в рамках конструирующегося транснационального пространства мировой политики (монография) - М.: Прометей, 2007

11. Красина О.В., Крутий И.А., Зангиева И.К. Развитие транснационального пространства в контексте взаимодействия современных обществ: Россия - Япония - М.: Изд-во СГА, 2009

12. Михайлова Ю.Д., Молодяков В.Э. Россия и Япония: "образы и репрезентации". Тезисы // <http://www.intlhiroshima-cu.ac.jp/>

13. Най Дж. Гибкая власть Как добиться успеха в мировой политике - М., 2006

14. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование – М.: Алгоритм, 2002.

Геополитические векторы постсоветской Центральной Азии и Россия

Назаров З.И.

В отечественной географической науке издавна существует понятие «Средняя Азия». В советское время она включала Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизию. Казахстан считался отдельным субрегионом.

Геополитическое понятие «Центральная Азия» появилось в постсоветскую эпоху в 1993г. на Ашхабадской встрече глав среднеазиатских государств, когда по предложению президента Казахстана Н. Назарбаева термин «Средняя Азия и Казахстан» был заменен на «Центральную Азию». Прежде всего это было связано с попыткой выделить новый субрегион на постсоветском пространстве.

Таким образом, пять государств – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан самоопределились геополитически как регион «Центральная Азия». Площадь этого региона составляет 3 млн. 916 тыс. кв. км, где проживает около 57 млн. человек.

На Казахстан приходится 69,6% общей площади рассматриваемых стран и 26,5% населения, на Узбекистан – соответственно 11,5 и 44,1%. Доли Киргизии – 5,1% в площади, 8,9% по населению, Таджикистана – 3,7 – 11,9%, Туркмении – 12,5 и 8,5%⁷⁴.

Исторически в регионе была заложена регионально-клановая политическая система и отсутствие моноэтнических государств.

Процесс национальной самоидентификации стран региона после обретения или независимости происходит небезболезненно. Административные границы между среднеазиатскими республиками советского периода, ставшие государственными не совпадают с этническим расселением, что порождает напряженность между соседями и внутри отдельных государств. Это обстоятельство не остается незамеченным западными геополитиками. Так, З.Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостра-

⁷⁴ Кузьмина Е.М. Геополитика центральной Азии / Е.М. Кузьмина; [отв. ред. Л.Б. Вардомский] ; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2007. С. 15.

тегические императивы» описывает Центральную Азию в параграфе с красноречивым названием «Котел этнических противоречий»⁷⁵.

Если к указанному источнику напряженности добавить низкий уровень жизни большинства населения региона, открытую и скрытую безработицу, близость беспокойного Афганистана и идущий оттуда наркотрафик, поддержку сепаратистских радикальных оппозиционных организаций в приграничных с ним странах – все это делает положение в Центральной Азии неустойчивым, препятствует его политической и экономической консолидации. Главной геополитической особенностью региона, обуславливающим заинтересованность в нем мировых государств, являются богатейшие сырьевые запасы.

Так, экономический потенциал Казахстана составляют богатые месторождения минеральных и энергетических ресурсов. Казахстан занимает первое место в мире по разведанным запасам цинка, вольфрама и барита, второе – по запасам серебра, свинца и хромитов, третье – меди, марганца и флюорита, четвертое – молибдена, а по запасам золота входит в первую десятку. На долю страны приходится примерно 8% мировых запасов железной руды и около 25% мировых запасов урана. По разведанным запасам нефти она занимает 13-е место в мире. Запасы газа – 2 трлн. куб. м. Запасы Казахстанской территории Каспийского шельфа составляют порядка 15 млрд.т. нефти и около 7 трлн. куб. м. природного газа. В недрах Туркменистана (включая прилегающий Каспийский шельф) находится около 1/3 мировых запасов природного газа (по разным оценкам, от 21 трлн. до 24 трлн. куб. м.) и значительные запасы нефти (от 6,8 млрд. до 12 млрд. т.)⁷⁶

Узбекистан занимает третье место в СНГ по добыче природного газа – более 60 млрд. куб. м. газа в год. Выделено пять регионов с доказанной промышленной нефтегазоносностью с суммарными запасами более 2 трлн. т. условного топлива. 60% его территории перспективны на нефть и газ. Республика Узбекистан стоит на четвертом месте в мире по ресурсам золота и на седьмом по его добыче, а также занимает шестое место в мире по производству хлопка-волокна и второе по его экспорту⁷⁷.

⁷⁵ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 2005. С. 151 – 163.

⁷⁶ Россия и страны Центральной Азии: взаимодействие на рубеже тысячелетий / [отв. ред. Л.З. Зевин] ; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2006. С. 53.

⁷⁷ Кузьмина Е.М. Геополитика центральной Азии / Е.М. Кузьмина; [отв. ред. Л.Б. Вардомский] ; Ин-т экономики РАН. – М.: Наука, 2007. С. 20.

Геополитическая многовекторность Центральной Азии не является случайной. Она присуща ей в силу объективных исторических связей региона, но в зависимости от соображений текущей политики, история постоянно переписывается и переинтерпретируется с целью формирования тех или иных моделей развития а также определенных национальных идентичностей. Доминирующая идеологическая интерпретация истории, модель развития и национальная идентичность нуждаются в согласованности, целью которой являются: обеспечение легитимности политического режима, формирование солидарности в рамках одной общности и создание предпосылок определенного порядка, а также, апеллируя к историческим или идентификационным сходствам, облегчить взаимодействие между государствами, иметь критерии выбора «союзников» и «врагов». Исследователи выделяют в современной Центральной Азии с точки зрения поиска партнеров вне региона в контексте современной мировой геополитики четыре варианта ориентации на какой-то другой регион мира: Россию и постсоветское пространство вокруг нее; западный мир; исламский мир; Китай и АТР⁷⁸.

Пророссийский выбор для стран региона затруднен тем обстоятельством, то он пока не дает какой-либо устоявшейся модели социально-политического развития. Существует как минимум три конкурирующих проекта обоснования интеграции стран Центральной Азии вокруг России:

1) «постимперская идеология», связана с акцентированием той огромной роли, которую Россия и СССР, русская культура сыграли в модернизации региона. Эта идеология имеет по меньшей мере два варианта: а) либерально-модернизаторский, фактически не отличающийся от прозападного выбора; б) связанный с положительной интерпретацией последствий коммунистического правления. Однако национализм новых политических элит, строящих свое «светлое будущее», не может обойтись без демонизации общего с Россией и СССР прошлого. Так, анализируя ситуацию на постсоветском пространстве, З. Бжезинский пишет, что «недавно получившие независимости центральноазиатские государства все больше расположены

⁷⁸ Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. – М.: МГИМО-Университет, 2008.

отождествлять смысл современного периода своей истории с борьбой за освобождение от российского колониализма»⁷⁹.

2) антизападническая идеология, носящая конъюнктурный характер. В контексте этой идейной интерпретации Россия рассматривается как гарант местных элит от давления Запада. На деле эта позиция используется местными элитами для выбивания уступок у Запада. Это сопровождается попытками разжечь соперничество России и Китая с западными странами с целью усилить их конкуренцию за спонсорскую роль в регионе;

3) евразийство, которое в самой России существует в виде достаточно широкого набора возможностей⁸⁰. Разные варианты евразийской идеологии в Центральной Азии предполагают и разных внешнеполитических партнеров. Доминирующий в Центральной Азии вариант евразийства видит этот регион в виде моста между Западом и Востоком, но также с легкостью использует и идеи интеграции с Россией, АТР, исламским миром.

Прозападный выбор ориентируется на модель развития, продемонстрировавшую существенные успехи в западном мире, включающую в себя одновременное развитие рыночной экономики и демократических институтов, обеспечивающих соблюдение прав человека. Наиболее широким вариантом прозападной ориентации в современном мире выступает глобалистский вариант. Однако слишком активный глобалистский выбор центральноазиатских государств мог бы, с одной стороны, настроить против них непосредственных соседей с севера, востока и юга, с другой, как пишет пантюркистский представитель казахской интеллектуальной элиты «глобализация уже, размывая границы, начала лишать нас того, чем мы располагаем культуры, национальных черт, собственности, что в свою очередь может привести к ассимиляции нас несравненно более сильными народами»⁸¹.

Более узкий вариант прозападного выбора евроатлантический, который предполагает ориентацию на экономическую и политическую интеграцию с Западной Европой и США, т.е. вступление в за-

⁷⁹ Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. – М.: междунар. отношения, 2007. С. 95.

⁸⁰ Наиболее полно и системно евразийская теория и евразийская геополитика России изложены в книге: Дугин А.Г. Проект «Евразия». – М.: Эксмо, Яуза, 2004.

⁸¹ Султанмурат Е., Мухаметдинов Р., Каримов Б. Тюркский пояс стабильности. Изд. 2-е, доп. – Казань, 2009. С. 66

падную коалицию, сотрудничество с региональными евроатлантическими структурами, прежде всего, НАТО и ЕС, которые как бы выступают воплощениями универсальных ценностей европейской цивилизации.

Третьим вариантом прозападного выбора, специально адаптированного для тюркско-исламской среды, является «турецкий путь» в рамках «тюркского единства». «Турецкий путь» представляет собой вестернизаторскую, модернизаторскую и секуляристскую политику, сопровождающуюся военным сотрудничеством с США и НАТО и экономической ориентацией на Европу. В начале – середине 1990-х гг. Турция воспринималась как позитивный образец для новых независимых стран региона. Странам Запада Турция виделась как естественный посредник Запада в Центральной Азии. Ее поддержка казалась эффективным способом нейтрализации регионального влияния Ирана, России и, в меньшей степени, Китая. Однако потенциал этого проекта был во многом исчерпан уже к концу 199-х гг. На смену ему, начиная со второй половины 90 –х гг., приходит активная поддержка США и ЕС планов внутрирегиональной интеграции в Центральной Азии как альтернативу СНГ. Эти планы включали в себя последовательно менявшиеся интеграционные проекты Центральноазиатского союза (1994 – 1998 гг.), Центрально-Азиатского экономического сообщества (1998 – 2002 гг.), Организация «Центрально-Азиатское сотрудничество» (2002 – 2005).

Эта интеграция виделась на Западе, во-первых, как способ нейтрализовать многие из недостатков, связанные с искусственным характером национального членения региона, во-вторых, она была способом «оторвать» регион от постсоветского пространства, интегрируемого Россией.

По справедливому мнению А.А. Казанцева, ключевым моментом в западной поддержке проектов внутренней интеграции в Центральной Азии были отношения США с Узбекистаном⁸². После того как они испортились в связи с андижанскими событиями (2005г.)⁸³, западная поддержка соответствующему проекту исчезла, как исчезли и внутренние центральноазиатские интеграционные структуры, слившись с пророссийскими.

⁸² Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы, противоречия. – М.: МГИМО – Университет, 2009. С.19.

⁸³ См. об андижанских событиях в кн.: Средняя Азия: андижанский сценарий?: Сборник / сост. М.М. Мейер. – М.: Издательство «Европа», 2005.

Однако идея «тюркского единства» отнюдь не канула в лету, она активно пропагандируется Всемирной Ассамблеей Тюркских Народов (ВАТН), 5-й съезд которой состоялся 3 - 6 ноября 2007 года. В докладе президента ВАТН академика Е. Султанмурата «Тюркский путь общественного развития» говорилось, в частности, о том, что «идея создания Союза Центрально-Азиатских Государств поддержана всем миром – ООН, ЕС, США и другими значимыми фигурами международной политики. Россия является единственной страной, которая не воспринимает идею создания Союза ЦАР»⁸⁴.

Принадлежность к исламскому миру также связана с определенным выбором модели развития для Центральной Азии. Эта модель в той или иной степени альтернативна либеральной демократии и рыночной экономике, но в то же время обладает очень серьезным потенциалом стабильности и порядка.

Полному принятию распространенных в исламских странах идеологий препятствуют два существенных обстоятельства: очень серьезная трансформация традиционных обществ в ходе советской модернизации и секулярный характер правящих групп, являющихся частью бывшей советской атеистической элиты, либо тесно связанных с ней.

Четвертая модель выбора связана с азиатизмом (паназиатизмом) – достаточно сложным комплексом идеологий, распространенных в современном Азиатско-Тихоокеанском регионе. Азиатизм – это чрезвычайно привлекательная для многих неевропейских обществ модель развития, сочетающая необычайно успешное развитие рыночной экономики с сохранением существующих социально-политических институтов, часто авторитарного или полуавторитарного типов. Что касается Китая, то его внешнеполитическая стратегия в отношении своих центральноазиатских соседей во многом обусловлена наличием протяженной границы с государствами Центральной Азии и проживанием на сопредельных территориях представителей родственных этносов. Можно выделить две сферы китайских интересов в Центральноазиатском регионе: сфера безопасности и экономическое взаимодействие. В сфере безопасности, по мнению китайских аналитиков, существуют следующие угрозы национальной безопасности: религиозный экстремизм и терроризм на сопредельных территориях, наркотрафик, американское военное присутствие в регионе. Руково-

⁸⁴ Султанмурат Е., Мухаметдинов Р., Каримов Б. Тюркский пояс стабильности. Изд. 2-е, доп. – Казань, 2009. С. 65.

дство Китая, преследуя долговременные экономические цели, сформировало межведомственный совет с участием китайского бизнеса по сотрудничеству со всеми республиками ЦА. Центральназиатские страны серьезно опасаются вытеснения собственной продукции китайским импортом с внутренних рынков. Также у них вызывает тревогу увеличение легальной и нелегальной миграции из Китая и растущая китайская диаспора за счет принятия гражданства в этих странах.

Центральная Азия в настоящее время имеет, практически, равные основания как принять, так и отвергнуть любую из описанных выше четырех «внешних» идеологических ориентаций.

Однако Россия не может позволить себе равнодушно взирать на то, что происходит у нее в геополитическом «мягком подбрюшье». В этом регионе сосредоточены наши жизненно важные национальные интересы, от которых напрямую зависит безопасность России. Нельзя не согласиться с В.В. Кочетковым в том, что в настоящее время России необходимо сосредоточиться на внутренней политике и экономике, повышать привлекательность российского проекта, усиливать гибкую силу нашей страны, предлагать нашим партнерам по СНГ привлекательные сценарии взаимовыгодного сотрудничества. Мировой финансовый кризис предоставляет России возможность переstrukturировать пространство СНГ благоприятным для себя образом, предложив постсоветским странам подобие плана Маршалла. Нам необходимо четко определить свою идентичность, которая будет втягивать в орбиту своего притяжения страны СНГ и задавать направления развития всего региона⁸⁵.

Долгосрочным ориентиром внешней политики Российской Федерации должно стать осуществление прочной интеграции стран СНГ в наднациональный союз (Евразийский союз) по аналогии с Европейским союзом и образование на основании этого союза единой сплоченной политико-экономической и военно-стратегической структуры⁸⁶.

⁸⁵ Кочетков В.В. Процессы развития СНГ в свете парадигм теории международных отношений // Русское время. Журнал консервативной мысли. № 1 (2), январь – март, 2010. С. 35/

⁸⁶ Дугин А.Г., Добренков В.И. К внешнеполитической стратегии России в XXI веке // Русское время. Журнал консервативной мысли. № 1 (2), январь – март, 2010. С. 15.

Список литературы

1. Абашин С.Н. Зарождение и современное состояние среднеазиатских национализмов // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А Шнирельмана; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2007. С. 351 – 375 с.
1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международные отношения, 2005.-256 с.
2. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство / Пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2007. – 288 с.
3. Внешняя политика: вопросы теории и практики: материалы научного семинара: [сборник] / под ред. П.А. Цыганкова. – М.: КДУ, 2009. – 232 с.
4. Быков А.Н. Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. – СПб.: Алетейя, 2009. 367 с.
5. Дугин А.Г. Проект «Евразия» - М.: Эксмо, Яуза, 2004. -512 с.
- Дугин А.Г. Четвертая политическая теория. Россия и политические идеи XXI века. – СПб.: Амфора, 2009. - 351 с.
6. Дугин А., Добренев В. К внешнеполитической стратегии России в XXI веке / Русское Время. Журнал консервативной мысли. № 1(2). Январь – март, 2010. С 32–36.
7. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2008. -381 с.
8. Казанцев А.А. Политика стран Запада в Центральной Азии: ключевые характеристики, дилеммы, противоречия/ Научно—координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России; Центр Евро-атлантической безопасности. – М.: МГИМО – Университет, 2009. – 186 с.
9. Кочетков В.В. Процессы развития СНГ в свете парадигм теории международных отношений // Русское Время. Журнал консервативной мысли. № 1(2), январь – март, 2010. С 32 – 36.
10. Кузьмина Е.М. Геополитика Центральной Азии. – М.: Наука, 2007. -151 с.

11. Либман А.М. Экспансия российского капитала в страны СНГ / А.М.Либман, Б.А. Хейфец. – М.: ЗАО «Изд - во «Экономика», 2006. - 367 с.
12. Марта Брилл Олкотт. Велика ли угроза джихада в Центральной Азии? / *Pro et Contra*. № 2 (45), март – апрель 2009. С. 39 – 53.
13. Пивовар Е.И. Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк. – СПб.: Алетейя, 2008. - 320 с.
14. Постсоветское пространство в глобализирующемся мире. Проблемы модернизации/ отв. Ред. Л.З. Зевин. – СПб.: Алетейя, 2008. - 312 с.
15. Россия и страны Центральной Азии: взаимодействие на рубеже тысячелетий / отв. Ред. Л.З. Зевин. – М.: Наука, 2006. - 224 с.
16. Средняя Азия: андижанский сценарий?: Сборник / сост.: М.М.Мейер. – М.: Издательство «Европа», 2005. – 192 с.
17. Центральная Азия и Южный Кавказ: Насущные проблемы, 2007 / Под ред. Б. Румера. – М.: Новое издательство, 2007. – 236 с.
18. Султанмурат Е., Мухаметдинов Р., Каримов Б. Тюркский пояс стабильности. Изд. 2 – е, доп. – Казань. 2009. - 100 с.

Взаимодействие России и стран СНГ в сфере борьбы с терроризмом

Руденко Л.Д.

Современный мир характеризуется увеличением количества конфликтов, ростом экстремизма, и прежде всего крайним его проявлением - терроризма. В 80-90 гг. XX столетия терроризм становится уже универсальным феноменом, перешедшим в разряд наиболее распространенных и устойчивых девиаций. По оценкам некоторых специалистов, в этот период произошло около 40 тыс. террористических атак, сопровождавшихся многочисленными человеческими жертвами⁸⁷. Так, только с 11 сентября 2001 г. до настоящего времени в мире от них погибло 2929 человек⁸⁸. Проблема терроризма актуальна и для России, где только в 2000 г. были зарегистрированы 4388 преступлений «террористической направленности»⁸⁹.

Теме не менее, механизмы, противодействующие таким новым вызовам современности как терроризм, демонстрируют свою неполную адекватность, в связи с чем государства вынуждены искать новые подходы к решению актуальных задач. Одним из таких подходов является обсуждение проблемы терроризма на площадках международных и региональных институтов, в первую очередь ООН, ОДКБ, ШОС и др.

Между тем, международная практика свидетельствует, что выработанные универсальные механизмы решения проблем мирового уровня требуют учета геополитических особенностей, и в этой связи особого внимания заслуживает сотрудничество России в области борьбы с терроризмом со странами-участницами Содружества Независимых государств.

После развала СССР, на наш взгляд, угроза терроризма наиболее актуальна для регионов компактного проживания мусульман (Российской Федерации, Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана), где международные исламские организации пытаются

⁸⁷ Профилактика агрессивных и террористических проявлений у подростков / Под ред. И. Соковни. М.: Просвещение, 2005. 158 с. // www.prosv.ru/metod/sokovnya/index.htm

⁸⁸ <http://www.washprofile.org>

⁸⁹ Гилинский Я.И. Девиантология. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 254.

укрепить свои позиции⁹⁰. Например, в 2000-2002 гг. в Таджикистане были задержаны 359 руководителей и активных членов партии «Хизб ут-Тахрир». За тот же период в Узбекистане были выявлены 580 членов Исламского движения Узбекистана, находившихся в рядах международных террористических организаций на территории Таджикистана, Афганистана и Чеченской республики РФ. В Азербайджане была остановлена деятельность филиалов 5 зарубежных гуманитарных фондов, способствовавших финансированию международных террористических организаций, ставивших целью создание в республике исламского государства путем джихада и террористической борьбы⁹¹.

На наш взгляд, можно констатировать, что для терроризма на постсоветском пространстве характерны те же особенности, что и для современного терроризма в целом:

- международный характер (так, в течение долгого периода времени серьезная угроза международного терроризма для стран Центрально-Азиатского региона СНГ исходила от афганских талибов);
- присутствие на территории РФ и государств Центральной Азии террористов из числа иностранных наемников;
- установление устойчивых связей между террористическими организациями и организованной преступностью;
- попытки лидеров некоторых террористических организаций придать своей деятельности характер национально-освободительной борьбы;
- высокий уровень финансирования террористической деятельности и т.д.

В силу трансграничного характера терроризма на постсоветском пространстве, методы борьбы, применяемые в рамках СНГ, аналогичны принятым в рамках других международных институтов (гармонизация национального законодательства, постоянный обмен опытом проведения антитеррористических мероприятий, активизация разработки базовых нормативных правовых документов и др.).

⁹⁰ Так, руководитель АТЦ Б.А. Мельников среди международных террористических организаций, представляющих потенциальную угрозу безопасности для государств СНГ, называет следующие: Братья-мусульмане, Комитет мусульман Азии, ХАМАС, Исламское движение Узбекистана, Акромиды, Хизб ут-Тахрир и др. // сатй Исполнительного комитета СНГ (cis.minsk.by).

⁹¹ Более подробно см. на сайте Исполнительного комитета СНГ // cis.minsk.by

Тем не менее, в отличие от последних (например, G8), выбранная СНГ стратегия борьбы с терроризмом с самого начала носила упреждающий характер, что нашло свое отражение в различных документах. Правовой основой для осуществления взаимодействия стран-участниц СНГ стал подписанный в 1999 г. Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Год спустя была принята первая Программа государств-участников СНГ по борьбе с международным терроризмом, которая позволила скоординировать практические усилия государств, направленные на противодействие этой угрозе.

Основную роль в осуществлении сотрудничества стран Содружества в борьбе с терроризмом играет основанный 1 декабря 2000 г. Антитеррористический центр государств-участников СНГ (АТЦ СНГ). На наиболее напряженном центрально-азиатском направлении создано его отделение в г. Бишкеке. В 2002 г. утверждено Положение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств – участников СНГ.

Вместе с тем выработка странами СНГ единых решений в области борьбы с терроризмом сопровождается рядом проблем. Так, например, расходятся оценки террористических угроз Арменией и Азербайджаном, Россией и Грузией.

Для анализа особенностей взаимодействия России и государств-участников СНГ в этой сфере был осуществлен контент-анализ текстов речей президента Российской Федерации В.В. Путина (2000–2006 гг.), которые отражают позицию российского политического руководства по проблемам борьбы с терроризмом в рамках СНГ⁹².

Активная позиция России при обсуждении проблемы терроризма и способов борьбы с ним в рамках СНГ во многом объясняется ее значительным опытом переживания террористической угрозы. Российская Федерация – страна, несколько раз подвергавшаяся крупномасштабным террористическим атакам и имеющая источник террористической активности на своей территории. Причем деятельность террористических групп носила международный характер.

При этом российский президент неоднократно заявлял о всех имеющихся у страны возможностях для осуществления антитеррористической деятельности. Так, например, в марте 2000 г. он отметил, что «... подразделения ФСБ России располагают современной специализированной информационной, научной, методической базой,

⁹² Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru>

уникальными прикладными возможностями для осуществления анти-террористической деятельности»⁹³.

На наш взгляд, именно борьба с международным терроризмом вошла в круг проблем, необходимость решения которых объединила Россию и другие страны СНГ, со многими из которых у нее не сложились прочные экономические связи (например, Таджикистан и Узбекистан). Об этом косвенно может свидетельствовать тот факт, что в текстах речей В.В. Путина среди партнеров России в борьбе с данной угрозой в 2000 г. называются, прежде всего, *государства СНГ* (74% утверждений об отношениях России с другими государствами).

В своих выступлениях российский президент неоднократно подчеркивал, что все постсоветское пространство представляет собой удобную мишень для атак международного экстремизма, т.к. «так как государственные институты наших стран еще слабы и не стали прочной опорой для своих народов»⁹⁴. На наш взгляд, данное мнение о причинах терроризма на постсоветском пространстве и принятая упреждающая стратегия борьбы с ним во многом объясняет обсуждение этой проблемы с лидерами тех стран, для которых она не являлась на тот момент актуальной (например, Белоруссии).

После террористических актов 2001 г. были созданы все основания для эффективного взаимодействия России и других международных институтов, а также международного сообщества в целом. В 2002-2006 гг. сотрудничеству России и стран СНГ было посвящено всего 22% утверждений, а, например, сотрудничеству России и стран G8 – более 30%. Президент уже не реагирует на критику войны в Чечне со стороны европейских государств, зато отмечает затруднения сотрудничества с некоторыми странами СНГ, например, Грузией. На протяжении всего рассматриваемого периода в числе стабильных партнеров России в сфере борьбы с терроризмом оставались только Таджикистан, Узбекистан, Казахстан и Киргизия.

Таким образом, можно сделать вывод, что Россия является ключевым «игроком» на постсоветском пространстве, имеющим к тому же традиционно сильные связи с западными странами, а также большинством стран «третьего мира», что также усиливает ее геополитическое положение. Используя свои исторические отношения с государствами-участниками СНГ, Россия по многим вопросам междуна-

⁹³ Путин В.В. Выступление на внеочередном заседании Совета министров внутренних дел стран СНГ 10 марта 2000 г. // Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.ru>

⁹⁴ Там же.

родной безопасности смогла выступить в качестве посредника между ними и другими международными институтами. Реализуя свою национальную роль борьбы с терроризмом, Россия взяла на себя еще дополнительную роль моста между странами разной идеологии.

Механизмы межгруппового восприятия и познание угрозы в международных отношениях (на примере ядерной программы Северной Кореи)

Смирнова А.Г.

Угроза представляет собой важный компонент социальной реальности. Взаимоотношения между отдельными индивидами или группами, принятие решений, а также – выбор стратегии поведения зачастую осуществляются под влиянием ожидаемого причинения вреда и желания избежать потерь. При этом, как отмечает К. Боулдинг, угроза – это вид отношений между субъектами, обладающий свойством организации социальной системы [1]. Иначе говоря, возникновение угрозы невозможно без субъекта, от которого исходит намерение причинить вред, и субъекта, в отношении которого оно направлено, его ответных действий на прозвучавшую угрозу, а также – реакции первого субъекта на действия второго. Вместе с тем, остается открытым вопрос о том, какие факторы определяют направление развития этих отношений.

В данном исследовании процесс восприятия угрозы рассматривается как *социальное познание*. При этом внимание уделяется рассмотрению значимости таких механизмов межличностного и межгруппового восприятия как *идентификация, эмпатия, сравнение, атрибуция и рефлексия* в процессе конструирования сужения о наличии или отсутствии угрозы.

Сформулированы следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Конструирование суждений о наличии угрозы осуществляется посредством разных инструментов познания. В частности, идентификация и эмпатия играют незначительную роль при восприятии угрозы, в отличие от сравнения, атрибуции и рефлексии.

Гипотеза 2. Конструирование суждения о существовании угрозы осуществляется с учетом восприятия различий двух государств по ключевым ценностям, особенностям политического режима, принципам построения экономических отношений и т.д. Кроме того, угроза связана с восприятием лидерства (или стремлением упрочить пози-

ции) данного государства в области, которая значима для субъекта познания, и он сам претендует в ней на лидирующие позиции.

Гипотеза 3. Объяснение враждебных намерений государства, от которого исходит угроза, осуществляется на основе присущих ему характеристик, нежели особенностей сложившейся ситуации.

Гипотезы проверены в ходе исследования, направленного на выявление особенностей восприятия Россией и США угрозы, которую может представлять Северная Корея, обладающая ядерным оружием, в 2000-2006 гг.

Полученные результаты подтверждают *первую гипотезу*. Сравнение частоты встречаемости утверждений, содержащих указания на применение эмпатии, рефлексии, атрибуции, сравнения и идентификации, позволяет сделать вывод, что в процессе познания возможной угрозы, которую может представлять Северная Корея, президенты России и США в рассматриваемый период В.В. Путин и Дж. Буш задействуют все перечисленные инструменты, за исключением *идентификации*.

Вместе с тем, тексты речей В.В. Путина и Дж.У. Буша отличаются по уровню содержания в них *эмпатии*. В своих выступлениях российский президент неоднократно отмечал необходимость *учета интересов* КНДР в области безопасности и развития мирного атома: «Мы полагаем, что проблема должна решаться в результате переговоров, с учетом законных интересов и озабоченностей Северной Кореи» [3]. Возможность российского президента «принять» деятельность северокаорейской стороны в сфере развития ракетных технологий основывается на рассмотрении формально-юридической стороны данной ситуации. Как подчеркивал В.В. Путин, Северная Корея имеет право на развитие данных технологий, поскольку она не присоединилась к известным международным договоренностям в этой сфере [2]. Таким образом, умеренный уровень воспринятой угрозы в текстах речей российского президента сочетается с попытками взглянуть на происходящее с точки зрения северокаорейской стороны, принять ее позицию, даже если она и не находит поддержки у политического руководства России.

В свою очередь, утверждения президента США Дж.У. Буша, демонстрирующие значение эмпатии в процессе познания угрозы со стороны Северной Кореи, можно разделить на две группы. К первой относятся высказывания, содержащие выражение «симпатии и эмпатии по отношению к северокаорейскому народу» [7]. Во вторую группу

входят утверждения, указывающие на *неприемлемость политического курса* правящего режима, прежде всего, в ядерной сфере. В этой связи президент США не раз заявлял: «Мы не будем проявлять терпимость к тому факту, что Северная Корея обладает, создает или передает другим ядерное оружие» [6]. В целом, в отличие от российского президента, Дж. Буш указывает на необходимость *изменений* в поведении, убеждениях и даже интересах руководства КНДР. Таким образом, высокий уровень воспринятой угрозы не только не способствует эмпатии, но приводит к реализации политическим руководством США в отношении Северной Кореи проективной (формирующей поведение) стратегии.

Сравнение результатов, полученных на российской и американской выборках, позволяют подтвердить *вторую гипотезу* исследования. И В.В. Путин, и Дж.У. Буш ссылаются на существующие *различия* для обоснования наличия или отсутствия угрозы безопасности их государствам со стороны КНДР. Вместе с тем, президенты используют разные основания для сравнения. В частности, Дж.У. Буш придает значение различиям *ценностей* двух стран (прежде всего, свободы), а также характеристик *политических режимов*. Северная Корея рассматривается как несвободная страна, руководители которой установили репрессивный режим, нарушают права человека, тратят значительные средства на содержание армии, в то время как экономика находится в плачевном состоянии. Прямые сравнения с США указывают на отсутствие в Северной Корее свободы прессы, а также - на закрытость северокорейского общества.

Кроме того, в основе суждения американского президента об угрозе лежит воспринятое *несоответствие* между статусом, которым США наделяют КНДР (*предписываемый статус*), и статусом, на который данное государство претендует в системе международных отношений (*достигнутый статус*). В частности, восприятие угрозы со стороны Северной Кореи сопряжено с утверждением о том, что она не должна обладать ядерным оружием (*предписываемый статус*). Озабоченность США основывается на убежденности в том, что КНДР продолжает обогащение урана, развивает ракетную программу и стремится увеличить количество ядерного оружия (*достигнутый статус*). Фактически, Северная Корея рассматривается как государство, упрочившее свои позиции в той сфере, в которую оно, с точки зрения США, не должно было иметь доступа.

Суждения президента РФ об угрозе со стороны КНДР конструируются на основе *сравнения наступательного и оборонного потенциала двух стран*, указания на их *несопоставимость* [2]. Кроме того, отмечается, что система предупреждения о ракетном нападении, а также средства защиты от подобного нападения находятся в России «в должном состоянии» [2]. Таким образом, более низкий, по сравнению с США, уровень воспринятой угрозы связан с позиционированием Северной Кореи как *отстающей* от России.

Характер воспринятых различий позволяет выявить особенности *атрибутивных конструкций*, на которые опираются российский и американский президенты.

В текстах речей В.В. Путина можно выделить две атрибутивные конструкции, относящиеся к 2003 и 2006 гг. В частности, в июне 2003 г. президент отметил: «... Северная Корея находится в таком состоянии <...>, что у меня нет никаких оснований полагать, что она вынашивает какие-то агрессивные намерения» [1]. Таким образом, отсутствие угрозы объяснено внутренними *характеристиками, присущими КНДР*. В атрибутивной конструкции 2006 г. В.В. Путин также делает вывод об отсутствии угрозы со стороны Северной Кореи. Однако основанием для подобного суждения становятся *возможности России* противостоять агрессии [2]. Фактически, объяснение причин отсутствия угрозы со стороны КНДР выглядит следующим образом: Северная Корея не представляет опасности, поскольку Россия сильна.

В свою очередь, Дж.У. Буш опирается на атрибутивную конструкцию, которая выводит враждебные намерения и возможности Северной Кореи причинить вред из характеристик политического режима данного государства. В частности, на пресс-конференции 28 апреля 2005 г. он отметил: «Мы не знаем, располагает ли Ким Чен-Ир средствами доставки ядерного оружия, но я думаю, когда имеешь дело с таким тираном, лучше будет допустить, что такая возможность есть» [5]. Таким образом, полученные результаты подтверждают *третью гипотезу* исследования, согласно которой объяснение намерений государства, от которого исходит угроза, осуществляется на основе присущих ему характеристик.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в качестве переменных, влияющих на восприятие угрозы, выступают: представления субъекта познания как о собственном государстве, так и о государстве, от которого исходит угроза. Данное предположение позволяет рассматривать *угрозу* в качестве особого типа *отношений*

между государствами, а ее восприятие - как процесс социального познания.

Список литературы

1. Путин В.В. Интервью британской телерадиокорпорации «Би-би-си», 22 июня 2003 года - <http://www.mid.ru/Ns-dvbr.nsf/10aa6ac6e80702fc432569ea003612f0/432569d80022638743256d4e002fa784?OpenDocument>
2. Путин В.В. Стенограмма интернет-конференции Президента России, 6 июля 2006 года - <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/07/108326.shtml>
3. Путин В.В. Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 года. - <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/06/47449.shtml>
4. Boulding K.E. Towards a Pure Theory of Threat Systems // American Economic Review. 1963. Vol. 53, № 2. P. 424-434.
5. Bush G.W. Press Conference of the President. April 28, 2005. - <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2005/04/20050428-9.html>
6. Joint Press Availability with President Bush and Prime Minister Koizumi of Japan, The Bush Ranch, Crawford, Texas. May 23, 2003 - <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2003/05/20030523-4.html>
7. Remarks by President Bush and President Kim Dae-Jung in Press Availability. Seoul, Korea. February, 2002. - <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/02/20020220-1.html>

Психология реверсии в международных отношениях

Терновая Л.О.

Защита от глобальных перемен, с последствиями которых они не в состоянии справиться ни отдельные люди, ни целые государства, может быть найдена как в разных областях деятельности, так в будущем или прошлом. Эта возможность обращения к прошлому опыту или идеям как к средству решения проблем настоящего обуславливает интерес к проблеме реверсии политического развития. Явление реверсии – столь же древнее, сколь сама история человечества, вероятно, поэтому первоначально это явление зафиксировали литературные источники. В древнегреческой поэзии распространен был вид палинодии⁹⁵, позволявший автору выразить отречение, отказ от своих слов, высказанных в другом стихотворении. В дальнейшем под «палинодией» стало пониматься всякое отречение, и в этом смысле данное понятие вошло в международные отношения. Самая яркая «Палинодия, или Книга обороны кафолической святой апостольской всходней церкви» - памфлет против Брестской унии (1596), написанный украинским писателем З. Копыстенским в 1621-1622 гг. в Киеве в ответ на трактат униата Л. Кревзы «Оборона Унии». Копыстенский резко осуждал захватническую политику Польши и Ватикана на Украине и в Белоруссии, подчеркивал исторические связи русских, украинских и белорусских народов⁹⁶.

Требуется отметить, что специфика палинодии давала авторам возможность выразить свои политические идеалы и цели. Поэтому и обращение к такому произведению, как правило, выходило за рамки литературного проекта, что видно на примере «Палинодии» итальянского поэта и писателя-моралиста XIX в. Дж. Леопарди. Называя так стихотворение, Леопарди подчеркивал, что не намерен отказываться от пессимистических воззрений. Действительно, приводимые политиками факты могут указывать на прогресс, но у людей при этом не складывается ощущения того, что имеется какое-либо позитивное развитие. Но для того, чтобы выразить такое отношение к настояще-

⁹⁵ От греч. *Palinodía*, буквально - отречение, от *palín* - обратно, против и *odé* - песнь, лирическое стихотворение.

⁹⁶ См.: Памятники полемической литературы в Западной Руси // Русская историческая библиотека. Т. 4. Кн. 1. СПб, 1878.

му, нужна или политическая смелость, или умение прибегать к иносказаниям, в том числе к палинодии, как к одной из их форм.

Вполне понятно, почему к особенностям палинодии обращается и выдающийся французский философ Ж. Бодрийяр. Задумываясь о психологической сложности перехода через грань тысячелетий, а именно в такие периоды всегда обостряется восприятие политического времени, он писал: «Годах в 80-х XX-го века история повернулась вспять. Пройдя точку временного апогея, вершину эволюционной дуги, момент исторического солнцестояния обнаруживает своеобразное искривление событийного хода и разворачивает его к противоположному смыслу. Как и в космическом пространстве, существует, возможно, искривление исторического пространства-времени. Во времени, как и в пространстве, действует тот же хаотический эффект, который заставляет вещи двигаться все быстрее и быстрее по мере того, как приближается их срок - подобно тому, как вода необъяснимым образом ускоряет бег по мере приближения к водопаду»⁹⁷. Бодрийяр спрашивает: «В самом ли деле ход современности оказался обратимым, а сама его обратимость приобрела необратимый характер? Куда ведет эта ретроспективная форма, этот миф конца тысячелетия? Не существует ли своего рода “барьера истории”, подобно звуковому или скоростному барьерам, который ей не удастся преодолеть в ее палинодическом движении?»⁹⁸ Таким образом, понятие «палинодия» вновь вошло в дискурс по проблемам международных отношений.

Безусловно, как и в любом дискурсе, в дискурсивной практике по вопросам мировой политики и международных отношений высказываются разные точки зрения на выделение «момента исторического солнцестояния». В докладе «1989 год в российской и мировой истории», подготовленном Горбачев-фондом, отмечается, что именно в 1989 г. влиятельные державы не сумели и не захотели использовать открывшийся шанс для «смены вех». 1989 г. – не только кульминация перестройки в ее внутренней и международной ипостаси, но и начало нового этапа консервативной реверсии, которой способствовал ряд факторов. Первый фактор - драматический срыв революционного замысла создать общество, которое стало бы образцом совершенства и стимулом для отторжения капитализма. Второй фактор - переход общества к инновационному типу развития. Третий фактор - коренящийся в глобализации стимулирующей отказ от новой мировой политики к

⁹⁷ Бодрийяр Ж. Реверсия истории // www.zavtra.ru/denlit/100/61.html.

⁹⁸ Там же.

прежней сугубо национально эгоистической и блоковой, к воспроизводству силовых методов. Четвертый фактор - фактор «великого искушения» благосостоянием и достатком относится по большей части к внутренней эволюции российского общества. В докладе подчеркивается, что в атмосфере всеобщего разочарования и очевидного упадка «советско-социалистического» варианта развития 1989 г. явился отрицанием «1968 года» - и пражского, и французского, и прочих⁹⁹.

Вместе с тем реверсию в международных отношениях нельзя понимать только как попятное развитие. Реверсия – ответ на возникающие в мире вызовы. Конечно, в стране или даже в регионе можно построить разнообразные «стены» и отгородиться от этого воздействия, можно выступить против него, а можно прибегнуть к механизмам реверсии, базирующимся на возвращении к уже отыгранному сценарию, только с заменой ролей субъекта и объекта событий. Следует обратить внимание на то, что психологи выделяют универсальные защитные механизмы реверсии – механизмы проекции и идентификации. Их универсальность состоит в том, что такие механизмы работают по вертикали – от индивида до государства, и по горизонтали – от локального до глобального пространства.

В международных отношениях актуализация проблемы политико-психологической защиты любого из акторов может быть спровоцирована длительным пребыванием в неблагоприятных как внутриполитических, так и международных условиях. Она возможна как следствие неудовлетворенных потребностей в признательности роли той или иной страны в мире, ее особого вклада в решение общечеловеческой задачи. Реверсия может возникнуть и как отражение низкого уровня политической культуры того или иного общества.

Следует учитывать, что функции психологической защиты по своей природе противоречивы: с одной стороны, они способствуют адаптации общества к сложившейся ситуации, а, с другой – могут ухудшить приспособленность меняющимся условиям внешнего мира. Специалисты обращают внимание на то, что конструктивный эффект действия защитных механизмов – переживание чувств безопасности и совладания с проблемой – проявляется по-разному. Это может быть интенсификация усилий по достижению желаемой цели, замена средств достижения цели; замена цели; переоценка ситуации¹⁰⁰. Та-

⁹⁹ 1989 год в российской и мировой истории. Доклад Горбачев-фонда / http://www.gorby.ru/rubrs.asp?art_id=27031&rubr_id=815&page=1.

¹⁰⁰ См.: Креч Д., Кратчфилд Р., Ливсон Н. Фрустрация, конфликт, защита // Вопросы психологии. 1991. №6.

ким образом, у международного актора устанавливается соответствие между имеющимися представлениями об окружающем мире, о себе в этом мире и поступающей информации¹⁰¹.

В международных отношениях действуют общие функции психологической защиты. Они проявляются в формах уничтожения страха и сохранения национальной или иной самоидентификации. Такая защита может осуществляться с целью компенсации, совладания (реализации копинг-стратегии), манипуляции и креативного приспособления, что достигается за счет обеспечения эмоциональными переживаниями при осознании аспектов информационного потока¹⁰². И все же, выступая в роли механизма психологической защиты, реверсия может стать ментальной ловушкой, в которую попадают как отдельные люди, так и значительная часть общества. «Когда мы оказываемся в ловушке реверсии, - утверждает А. Кукла, почетный профессор факультета психологии Университета Торонто, - то наши мысли все еще настроены на достижение уже упущенной цели. Мы ведем себя так, словно помехи к ее достижению все еще перед нами, а не давно позади - как будто прошлое и будущее поменяются местами, если только мы будем давить сильнее и подольше»¹⁰³. Для международных отношений из размышлений А. Куклы значимо то, что он считает вину ловушкой реверсии, то есть возврата к нашей моральной несостоятельности¹⁰⁴. Однако признание вины как следствия моральной несостоятельности либо политического лидера, либо всего общества необходимо отличать от оценки вины как субъективного элемента международного правонарушения. Проблема вины государства традиционно относится к наиболее дискуссионным вопросам в науке международного права. В то же время история международных отношений говорит о том, что государство, совершившее международное правонарушение, не может не осознавать связи между своим поведением и его последствиями для своего народа и для народов других стран. Поэтому категория вины может быть применена к оценке противоправного поведения такого государства, но не в правовом, а моральном плане. Здесь проблема реверсии тесным образом

¹⁰¹ Ахмедов Т.И., Жидко М.Е. Психотерапия в особых состояниях сознания: история, практика. М.: «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. С. 732.

¹⁰² См.: Шлаина В.М. Чем мы познаем (особенности информационного метаболизма) // Соционика, ментология и психология личности. 2003. №6. С. 34-44.

¹⁰³ Кукла А. Ментальные ловушки: Глупости, которые делают разумные люди, чтобы испортить себе жизнь. М., 2007. С. 42-43.

¹⁰⁴ Там же. С. 45.

соприкасается с вопросом ответственности. Социолог, философ и общественный деятель Р. Дарендорф рассматривает эту проблему в ракурсе «коллективной вины» немцев: «Не случайно, когда вскрылись масштабы нацистских преступлений, встал вопрос о “коллективной вине немцев”. И все-таки я сомневаюсь, имеет ли это смысл. Коллективная ответственность, безусловно, коллективный стыд – да, но если превратить коллективные категории в вину и покаяние, это не только облегчит индивидам их долю содеянного зла, но и превратит все в метафору, а не в действительное осуждение»¹⁰⁵. С Дарендорфом сложно не согласиться, поскольку перенос на все общество чувства вины или ответственности за какое-либо международное деяние, минимизирует, а то и вообще сводит «на нет» индивидуальное психическое отношение к этому.

Для того чтобы реверсия не превращалась в ментальную ловушку, ее следует воспринимать как механизм трансформации пассивного в активное. Но этот механизм в международной жизни, во внешней политике будет действенным только при условии, что в реальности развивается положительный международный сценарий. Тогда такая защита будет работать конструктивно. Однако если же имеет место отрицательный сценарий, защита посредством реверсии, скорее всего, не поможет или же усилит действие деструктивных факторов.

И все же мы найдем немало международных проблем, в решении которых обнаруживаются конструктивные характеристики реверсии. В первую очередь необходимость обращения к политическим и психологическим механизмам реверсии обнаруживает себя в процессе урегулирования региональных конфликтов. Поскольку развертывание любого конфликта подобно свитку, который можно раскручивать в любую сторону, то благодаря реверсии можно вернуться к предыдущей стадии конфликта, хотя это не всегда возвращает к отношениям, свойственным доконфликтной стадии. Но если удастся достигнуть опуститься к латентной фазе конфликта, то появятся условия более благоприятные для переосмысления образа врага, его демифологизации и, в результате нахождения рациональных мер, нормализации ситуации. Это происходит на основе замещения форм и методов конфликтного поведения, свойственного одной фазе конфликта, формами и методами, присущими другой. Можно говорить как о воз-

¹⁰⁵ Дарендорф Р. После 1989: Мораль, революция и гражданское общество; Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 54.

возможности замещения одного действия другим, так и о замещении действия словом, например, неприязни или вражды - толерантностью.

Не менее актуально изучение механизмов реверсии в аспекте глобальных информационных трансформаций. Виртуализация опыта производит различные социальные эффекты, в результате которых возникает социальная реверсия идентичности: субъект-потребитель превратился в ключевой объект потребления, опосредованного технологическими возможностями. Именно обладающие технологией лица в реверсии потребления пожинают урожай капитала, субъективации, поведения и желания. Появляется новая доминанта власти: виртуальный класс активно насаждает свою идеологию (*soft-ideology*), в частности, вместо ценностей «экономической справедливости», предлагая «реструктуризацию экономики»; вместо демократических принципов - авторитарный разум, обслуживающий интересы виртуального класса в киберпространстве. За образом индивида, вступающего в неограниченное владение информацией, скрыт реальный индивид, помещенный в «электронный бункер» и замкнутый в его виртуальном функциональном пространстве. Электронная идентичность - это бункер, в который на самом деле прячется человек, стремясь оградить себя от медиа-агрессии, найти для себя убежище в «технопузыре»¹⁰⁶. Подтверждение справедливости таких наблюдений можно найти в виртуальных государствах (Виртландия, Доминион Мельхиседека, Ладония, Орания, Республика Лакота, Свободный город Христиания и др.), которые, являясь лишь моделями реальности, начинают заменять человеку, погруженному в виртуальный мир, активную политическую и социальную жизнь в своем собственном государстве, которое существует в глобализируемом мире.

Имеются экономические, политические, психологические признаки, указывающие на то, что проблемы реверсивного развития вышли за рамки научного осмысления миропорядка, а стали явлением повседневности. Элементы прошлого всегда присутствуют в бытийном пространстве как предметы быта, обычаи и традиции, как приверженность «добрым старым временам», в музыкальных стилях, архитектуре и т.д. Такого плана реверсия обнаруживает себя на фоне резких социальных трансформаций. Несомненно, повседневной стороной истории можно воспользоваться в политических целях. Яр-

¹⁰⁶ См.: Kroker A., Weinstein A. *Data Trash: The Theory of Virtual class*. New York: St. Martin's Press, 1994; Kroker A., Cook D. *The Postmodern Scene: Excremental Culture & Hyper-Aesthetics*. Tokyo: Japanese Translation, Hosei University Press, 1994.

чайшим признаком политической реверсии можно считать сепаратизм в самых разных его видах.

Сепаратизм может выражаться и конституционно-демократической форме расширения полномочий территорий, получивший название «деволюции». Например, устойчивый интерес шотландцев к проблеме политического статуса Шотландии в Соединенном Королевстве растет¹⁰⁷. Помимо Шотландии идеи деволюции популярны в Уэльсе, где не были замечены сепаратистские тенденции. А лейбористы вообще предлагают проект деволюции исторических провинций Англии. Помимо Великобритании идеи деволюции распространены во Франции и Испании. Поскольку образы прошлого в определенной степени романтизируют деволюцию, но этот вид политической реверсии может проявиться и в других странах.

Одним из примеров реверсивного геополитического развития является история появления сначала некоторых колоний, а затем независимых африканских государств, например, Либерии или Сьерра-Леоне.

К реверсивным моментам также относится религиозный фундаментализм, но его нельзя воспринимать изолированно от политических или экономических реалий, в которых чаще всего скрываются причины желаемой реверсии. Американский экономист Л. Туроу пишет: «Подъем религиозного фундаментализма - это извержение социального вулкана. Его связь с экономикой проста. Люди, проигрывающие в экономической жизни или впавшие в неуверенность перед новой экономической эпохой, не зная, как преуспеть в этой эпохе, отступают в религиозный фундаментализм. В периоды кусочного равновесия старые способы человеческого поведения не работают. Новые способы поведения, которые требуются и должны, в конечном счете, возникнуть, угрожают заветным старым ценностям. Периоды кусочного равновесия - это периоды распространенной неуверенности. Ни один индивид в точности не знает, что он должен делать, чтобы преуспеть, как обойдется с ним система, если он будет вести себя, так или иначе, и - в некотором фундаментальном смысле - никто не знает даже, в чем состоит новое определение успеха. Или - что нравственно и что безнравственно»¹⁰⁸. Такой социальный вулкан может начать извержение в любой цивилизационной среде и выразиться

¹⁰⁷ См.: Кустарев А. Англия и Шотландия // АПН. 2007. 21 июня.

¹⁰⁸ Thurow L.C. The Future of Capitalism: How Today's Economic Forces Shape Tomorrow's World, 1996 // <http://www.knukim-edu.kiev.ua/?id=107&view=article>.

посредством любой религиозной модели. Это поиск спасительного пути назад, от современных проблем в прошлое.

У международных акторов искушение реверсией обычно возникает в кризисные периоды истории, когда бывает сложно не поддаться соблазну отказаться от прежних союзников, прежних договоренностей, прежних обязательств. В такие моменты обращение к истории можно считать своеобразным мобилизующим фактором. Это объясняется наличием связи между моделированием реверсии и прогностическими исследованиями. Более того, в прогнозе всегда присутствует прошлое, а отдельные прогнозы прямо призывают к движению «Вперед в прошлое». Так даже назывался американский научно-фантастический сериал, созданный для телеканала NBC и транслировавшийся с сентября 2007 г. В 2009 г. в Литве был снят документальный фильм по мотивам книги Зб. Бжезинского «Вперед в прошлое 2. Великая шахматная доска». В предисловии к первой части фильма говорится, что: «стало модным, переписывать историю, подгоняя ее под тот или иной политический заказ...»¹⁰⁹.

Важность проблемы реверсии очевидна в связи участвовавшими примерами переосмысления итогов важнейших международных событий. Отсюда понятна необходимость введения таких методов исторического анализа, которые бы учитывали возможность повторения в будущем опыта прошлого. Именно такой ход событий предусматривает методика контрфактического моделирования, возникшая в связи с поиском новых подходов к изучению «холодной войны»¹¹⁰. Контрфактическое моделирование предусматривает три типа обратимости «несовершившегося». Во-первых, не исключается непосредственная обратимость в силу того, что прошлое часто представляет не один, а несколько вариантов развития, а выбор какого-либо из них не исчерпывает возможности возврата к другим. Это так называемая обратимость длящегося выбора. Во-вторых, при отсутствии шансов на возврат к нереализованному выбору можно и нужно учитывать совершенные ошибки, чтобы избежать их в будущем или при повторении подобных ситуаций, или при аналогичных обстоятельствах. При

¹⁰⁹ www.netz.ru/video...vpered-v-proshloe-bzhezinskij...2009...

¹¹⁰ См., например: Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. №8; Экштут С.А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопросы философии. 2000. №8; Модестов С.А. Бытие несвершившегося. М., 2000; Lebov R.N., Stein J.G. Back to the Past: Counterfactuals and the Cuban Missile Crisis // Counterfactuals Though Experiments in World Politics: Logical, Methodological and Psychological Perspectives / Ed. by P.E. Tetlock and A. Belkin. Princeton, 1996; Lebov R.N., Stein J.G. We All Lost the Cold War. Princeton, 1994.

таким варианте речь идет об обратимости уподобления и переноса признаков. В-третьих, следует говорить о рефлексивной обратимости, которая связана с изменением сознания самого субъекта исторического познания, которое должно привести к трансформации его поведения и далее – бытия.

Все это дает основание поставить вопрос, а не является ли и реверсивное развитие одной из новых угроз миропорядку? Безусловно, да, если оно не будет лишь кратким этапом переформатирования мира, а станет длительным периодом, который будет характеризовать отсутствие какого-либо согласия международных акторов в видении общего будущего.

Социология или не социология? К вопросу об объекте и предмете социологии международных отношений

Цыганков П.А.

Как показывают обсуждения и дискуссии ("официальные" и "кулуарные", публикуемое и устные) вокруг предмета социологии международных отношений (далее – СМО), существует три варианта ответа на вопрос, вынесенный, в заголовок данных тезисов.

Первый из них, отрицательный, является наиболее парадоксальным – с той точки зрения, что, будучи довольно распространенным, он почти не получает отражения в научной литературе, существуя как бы "по умолчанию". Его сторонники (как международники, так и социологи) не склонны публично (т.е., в данном случае, через публикацию аргументов в его пользу в профессиональной периодике и других публикациях) высказывать свою позицию. Тем не менее, она существует, поэтому есть смысл рассмотреть ее аргументы. Их немного.

Так, указывают на то, что объект СМО до сих пор четко не определен, поскольку перманентно продолжающиеся споры по этому вопросу не дают полного представления о его наиболее характерных чертах. В свою очередь, это влечет за собой последствия, касающиеся предмета обсуждаемой дисциплины, который тоже не выделен с необходимой четкостью.

Кроме того, основные традиционные концепты международно-политической науки – "анархия международных отношений", "международная политика", "дипломатия", "международная стратегия", "международная безопасность", "баланс сил", "национальный интерес" и др. – "не вписываются в традиционные представления социологии как науки о социальных явлениях, структурах, институтах и персонажах, взаимодействующих в рамках интегрированного, иерархического, упорядоченного общества, созданного в результате "общественного договора".

С указанной точки зрения, социология – это сложившаяся дисциплина со своим научным статусом, своими классиками, с развитой инфраструктурой (глобальным и национальным научным сообществами, национальными и международными ассоциациями, профессиональной периодикой и т.п.).

Наконец, структура социологического знания не содержит в своем составе международного элемента. СМО невозможно представить в качестве отраслевой социологии – по типу, например, социологии семьи или социологии управления. Профессиональные научные и учебно-методические публикации по социологии, как правило, обходятся без соответствующего раздела, посвященного СМО. А те случаи, когда такой раздел существует, выглядят как своего рода "экзотика". Есть, наконец, и такой аргумент: представители СМО, как правило, не являются профессиональными социологами "по происхождению" (т.е. прежде всего, по своему образованию).

Как видим, аргументация в пользу "негативного" взгляда на предмет СМО не отличается особой глубиной. Она упускает из вида, прежде всего, то обстоятельство, что и СМО, и сама социология находятся в процессе постоянной эволюции, являются развивающимися дисциплинами. То, что не входило в предмет той или иной из них раньше, "вбрасывается" в исследовательскую область самой жизнью. Именно так – и в особенности вследствие процессов глобализации и роста взаимозависимости мира, усиливающегося переплетения внутриобщественных и международных отношений, внутренней и внешней политики, меняющейся структуры государственного суверенитета и т.п. – "социальное" вторгается в международно-политическую науку, а международное в социологические исследования, расширяя их предметные области и нарушая тем самым их границы.

Впрочем, эти границы всегда были достаточно условными. Поэтому не только для СМО, но для социологии всегда были свойственны сомнения и неуверенность в том, что касается объекта и предмета изучения¹¹¹.

Современная социология, конечно, уже не может обойти своим вниманием вопросы международных конфликтов и международного сотрудничества, мирополитического устройства и будущего международных отношений. Однако все еще сильная в нашем научном сообществе и официально удерживаемая ВАКом инерция деления

¹¹¹ Подробнее об этом см.: Международные отношения: социологические подходы. / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 1998, с.32-33.

наук, следствием которой является боязнь междисциплинарности¹¹², приводит к тому, что во многих случаях социология стремится исследовать новые проблемы в рамках традиционных подходов, с "опорой на собственные силы", избегая обращения к наработкам других дисциплин. Результатом является "шаг вперед, два шага назад".

Второй вариант ответа – оптимистически положительный. С этой точки зрения, развитие СМО как относительно автономной дисциплины – эмпирически-очевидный факт. СМО имеет уже полувековую историю своего развития, результатом которого являются интересные, а главное, продвигающие наше знание работы, ставшие вкладом в как международно-политическую, так и в социологическую науку. Она связана с именами таких бесспорных авторитетных ученых, как Р.Арон, А.Турен, Н.Элиас, И.Валлерстайн, С.Амин, Ф.Бурлацкий, А.Галкин... Следует сразу подчеркнуть, что речь идет о политической СМО. Она формировалась одновременно как противовес и дополнение к уже существующей и имевшей к 1960-м гг. устойчивые традиции теории МО, развиваясь в дальнейшем в полемике с доминирующими в ней подходами, с одной стороны, а с другой – с опорой на новейшие достижения социологической мысли и социологические методы и приемы исследования.

Так, Р.Арон в статье "Что такое теория МО?" показ трудности, с которыми он столкнулся, когда поставил цель создания общей теории МО. Они связаны с тем, что плюрализм суверенитетов делает, по его мнению, нереальным существование единой цели, к которой стремились бы все международные акторы. В методологическом плане невозможно отделить эндогенные переменные международной системы (конфигурация полюсов силы) от экзогенных (напр., соотношение экономических потенциалов или внутренних режимов государств). Поэтому, отказавшись в конечном итоге от "односторонних объяснений", Арон приходит к выводу, что "любое конкретное изучение международных отношений есть социологическое изучение". Данный вывод подкрепляется и тем, что Арон исходит из одновременно как из негативного, так и позитивного понимания социологии. В первом случае она противопоставляется экономике и истории. Так, экономика изучает логичные действия, а "объект социологии – нелогичные действия". Что касается истории, то ее цель – "понимание особенно-

¹¹² Оговоримся, что речь не идет о призыве "взломать" все границы между научными дисциплинами. К чему это может привести, показал пример попытки "математизировать" историческую науку: без профессионализации наука профанируется, превращаясь в занятие, не имеющее ничего общего с поиском истины.

стей событий и рассказ о них", тогда как "социология – есть поиск общих отношений, поиск закономерностей". Давая же позитивное определение социологии, Арон показывает, что именно социологи, которая отказывается от "теории" (в смысле каузальных объяснений), делает возможным глубокое понимание исторического многообразия международных систем. О СМО как "субституте теории, которая невозможна", говорят и некоторые из современных международников (J.-J. Roche). Вместе с тем Арон ясно говорит и о том, что "именно теоретический анализ раскрывает пределы чистой теории". Таким образом, в конечном итоге он считает бессмысленным противопоставлять теорию и социологию МО.

Третий вариант ответа на поставленный в тезисах вопрос и состоит в том, что он, по существу, не имеет смысла¹¹³. Не только потому, что СМО может рассматриваться как в узкой, так и в широкой трактовке, совпадая в последнем случае с теорией МО. Но и потому, что независимо от нашей точки зрения на предмет и объект СМО, сегодня уже невозможно отрицать необходимость изучения мирополитических реалий с позиций и средствами социологии. Представление об этих реалиях формируются международно-политической наукой, а их исследование требует, в числе прочих, и социологического подхода. СМО – это не отраслевая социология, поскольку ее объект обладает несводимой спецификой. Пока существуют государства, основной его чертой останется анархичность. Это признается всеми течениями, теориями и парадигмами.

В то же время особенности трактовки и, главное, возможности преодоления указанной черты остаются предметом споров. В этой связи, в зависимости от представлений об объекте, в наши дни выделяют три конкурирующие социологии МО, которые, соответственно, различаются по своему предмету и подходами к исследованию международных отношений – *детерминистская, акционалистская и рефлексивистская*.

¹¹³ Что не равносильно тому, что он не имеет права на существование. Наоборот, его постановка и обсуждение чреватые эвристическим потенциалом.

Туризм как фактор международного сотрудничества

Шаркова Г.Н.

Туризм в последнее десятилетие продемонстрировал небывалую способность к планомерному росту даже в кризисных условиях. Спрос в сфере туризма в мире продолжает превышать ожидания, свидетельствуя о высокой сопротивляемости негативным факторам глобального кризиса. В рамках данной статьи рассмотрены общие показатели и динамика развития всемирного и российского туризма, представлены основные акторы институционального пространства туризма, выявлены разрывы институциональных взаимодействий и предложены пути их преодоления.

По прогнозам Всемирной туристской организации (UNWTO), 2009 г. станет шестым годом устойчивого развития туризма.

В последнем выпуске «Барометра всемирного туризма» (UNWTO World Tourism Barometer) приводятся следующие факты¹¹⁴.

- Общее число международных прибытий в 2008 достигло рекордного числа 922 млн, что на 1,9 % больше, чем в 2007 году. До второй половины 2008 года ежегодный прирост числа международных туристов составлял 4 % в мировом масштабе.

- По абсолютному числу прибытий лидерство удерживает Европа. В 2008 году ее посетили 487,9 млн туристов, что составляет 52,9% от общего числа путешественников. Однако относительный рост туризма в Европе невысок (+0,1% по отношению к 2007 году).

- По темпу роста туристских потоков лидирует Ближний Восток. Для этого региона 2008 год стал экстраординарным: в 2000 году Ближний Восток посетило 24,9 млн, а в 2008 – 55,6 млн туристов, рост составил +18,2 % по сравнению с 2007 годом.

Тем не менее, за первые четыре месяца 2009 г. число международных туристов по всем регионам составило 247 млн человек, что на 8 % ниже по сравнению с тем же периодом 2008 г. (269 млн). Практически по всем направлениям было зарегистрировано снижение

¹¹⁴ Официальный сайт UNWTO. Электронный ресурс <http://www.world-tourism.org/facts/menu.html>

темпов роста по сравнению с расчетными показателями Долгосрочного прогноза развития туризма до 2020 года

В Европейских государствах уже принимаются меры для смягчения отрицательных последствий кризисной ситуации в туризме, которая, как ожидается, продлится до 2010 года. Глобальный сектор туризма страдает от экономического кризиса, вспышек болезней, ряда стихийных бедствий, и политической нестабильности, а также от последовавших чрезвычайных мер контроля и предосторожности, предпринятых властями по всему миру. Более того, индустрия туризма находится под огромным давлением, так как вынуждена решать проблемы и кредитного кризиса, и растущей безработицы, удерживая в фокусе внимания приоритетные долговременные вопросы изменения климата и снижения бедности.

Россия находится на 64-ой позиции из 130 в рейтинге конкурентоспособности стран мира в сфере путешествий и туризма как по числу прибытий, так и по финансовым показателям. По данным Всемирного совета по туризму и экскурсиям (WTTC), по объемам услуг, предоставляемым сектором туризма, Россия занимает 22-е место в мире в абсолютных показателях, а в относительных - 156-е. Другими словами, Россия пока не относится к категории туристскоемких стран. Российские туристы тратят за границей в 10 раз больше денег, чем иностранные туристы в России. Так, объем услуг, предоставленных иностранным туристам в России за прошлый год, оценивается в 1 млрд долларов, а российскими гражданами за рубежом потрачено порядка 10 млрд долларов¹¹⁵.

Россия обладает беспредельными возможностями развития туризма как в ландшафтно-климатическом, так и в культурно-историческом планах. По расчетам UNWTO Россия может принимать до сорока миллионов иностранных туристов в год, то есть более 8% от общего числа прибытий. Сейчас эта цифра гораздо скромнее, особенно если сопоставить число въездных и выездных туристов. В 2008 году число туристов, въезжающих в Россию, увеличилось на 67 тысяч, а количество выезжающих россиян возросло на 3 млн.¹¹⁶ Факты свидетельствуют: российский туризм скорее способствует развитию международной экономики, чем своей собственной. И это обусловле-

¹¹⁵ "Российская газета" – Экономика №4869 от 18 марта 2009 г. Электронный ресурс <http://www.rg.ru/2009/03/18/turisty.html>

¹¹⁶ Добровольская А. Время новых возможностей. Перед туристическим бизнесом открылись неожиданные перспективы // "Российская газета" - Экономика № 4869 от 18 марта 2009 г. Электронный ресурс <http://www.rg.ru/2009/03/18/nazimova.html>

но, прежде всего, спецификой властного регулирования туризма как на федеральном, так и на региональном уровне.

С 1998 года российские органы власти (в сфере туризма) пережили 8 реструктуризаций. До сих пор остается открытым вопрос, принадлежит ли туризм к сектору экономики или социальной сфере. Был период, когда лицензированием занималось Министерство внешнего экономического развития, а непосредственным руководством занималось Министерство по физической культуре, спорту и туризму¹¹⁷. Сейчас российский туризм находится в ведомстве Министерства спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, чья деятельность прописана в соответствующем Положении от 29 мая 2008 г. N 408¹¹⁸. Проведенный анализ этого Положения показывает явный приоритет спорта в деятельности Министерства. Так, в п.5.2 из 12 позиций о самостоятельной нормативно-правовой активности 10 относятся к спорту, и 2 носят общий характер. Структура федерального Министерства включает Федеральное агентство по делам молодежи и Федеральное агентство по туризму. Последнее осуществляет функции по проведению государственной политики, нормативно-правовому регулированию, оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере туризма¹¹⁹.

В Докладе о результатах и основных направлениях деятельности на 2007 год и на период до 2009 года приоритетная цель Агентства сформулирована как повышение конкурентоспособности российского туристского продукта на мировом рынке¹²⁰. Эта цель предполагает решение следующих задач: продвижение российского туристского продукта на внутреннем и мировом рынках; содействие развитию туристской инфраструктуры в Российской Федерации; повышение качества туристских услуг. Для этого необходимо координированное взаимодействие с международными организациями (прежде всего, UNWTO, Статкомитет ООН) и федеральными органами исполнительной власти: МИД России, Минэкономразвития России, Минфин России, Минкультуры России, МПР России, Минобрнауки России,

¹¹⁷ Булыгина И.И. Туристский бизнес, власть и наука: проблемы взаимодействия // Туризм и региональное развитие: партнерство власти, бизнеса, науки и образования: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. - Саратов: Издательство В.П. Латанова, 2008. С. 7-8.

¹¹⁸ Электронный ресурс <http://www.government.ru/content/executivepowerservices/ministries/minsport/poloshenie/>

¹¹⁹ Электронный ресурс <http://www.government.ru/content/executivepowerservices/2cd81fb3-b06d-4e68-a38d-315931243e42.htm>

¹²⁰ Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2007 год и на период до 2009 года. Электронный ресурс <http://www.russiatourism.ru/files/Report%202007.doc>

Минздравсоцразвития России, Росстат, Центробанк России, ГТК России, Минрегион России. Однако это взаимодействие осуществляется недостаточно организовано, что усугубляет и без того непростую ситуацию в регионах.

В Саратовской области туризм управляется Министерством по развитию спорта, физической культуры и туризма. Как и федеральное Министерство, областной орган исполнительной власти испытал ряд реорганизаций (шесть с 2002 года, то есть практически ежегодно). В настоящее время туризмом в составе министерства руководит один (!) человек в составе отдела информационно-правовой работы и туризма, который отвечает за все направления деятельности, определенные федеральными властями. Последняя программа по туризму, действовавшая на территории области, завершилась в 2005 (с огромным недофинансированием). Новая уже четыре года находится в стадии разработки. Нестабильность положения Министерства усугубляется организационными конфликтами и утерей контроля над одним из объектов управления – над туризмом.

Анализ межведомственного взаимодействия позволил выделить ряд коммуникативных разрывов, существенно затрудняющих управление туризмом и его развитие на территории Саратовской области.

Административно-бюрократический разрыв - областное Министерство не наделено полномочиями по сбору и анализу информации по статистике туризма и не имеет возможности реального контроля и административно-правового воздействия на развитие рынка туризма. Принятие решений осуществляется волонтаристским путем, отсутствует научная и институциональная база принятия управленческих решений. Продвижением имиджа Саратовской области за рубежом занимается Министерство инвестиционной политики самостоятельно, без взаимодействия с Министерством по спорту, туризму и молодежной политике.

Разрыв между образованием и рынком труда. В Саратове подготовку специалистов для туризма осуществляют четыре вуза и три колледжа. С 2001 года было выпущено более тысячи специалистов. Это при том, что на саратовском рынке реально работает порядка 20 туристических фирм. Налицо кадровое перепроизводство.

Разрыв в координации межвузовского взаимодействия. Каждый вуз работает обособленно. Частично этот разрыв восполняют ежегодные научные конференции, проводимые Саратовским государственным техническим университетом. И хотя на конференциях рефреном

звучит призыв к взаимодействию, на практике он реализуется крайне слабо.

Разрыв в координации исследований, их финансировании и использовании результатов. Исследования ведутся крайне фрагментарно, отдельными энтузиастами или заинтересованными исследовательскими коллективами. Стратегически важная информация, напрямую связанная с устойчивым развитием туризма, не получает бюджетного финансирования, и, в основном, собирается за счет зарубежных фондов и, как следствие, на малых выборах. При этом значительная часть информации остается за гранью научного анализа или остается для личного пользования.

Разрыв между ресурсами, спросом и возможностями регионального рынка туризма. В Саратовской области, обладающей огромными природными, археологическими, историческими, культурными ресурсами, наименее развитыми оказываются именно въездной и внутренний туризм. 98% предлагаемых маршрутов связаны с выездом за границу вследствие разрушающейся инфраструктуры. Турфирмы и инвестиционные компании практически не взаимодействуют. Министерство выполнить роль связующего звена не в состоянии.

Разрывы, обусловленные конкуренцией. Некоторые руководители туристических фирм, стремясь к монополии на информацию, вступают в конфронтацию с другими фирмами и Министерством, препятствуя эффективному разрешению проблем туризма. Информация о деятельности фирмы сливается в единый мифологизированный образ, подтверждающий *как бы* лидирующее положение на рынке.

Информационный разрыв. Наряду с ограниченными информационными ресурсами, используемыми для продвижения туризма, огромное значение приобретает мощный поток устной, эмоционально окрашенной информации, основанной как на собственном опыте, так и на слухах. Фирмы делают особую ставку в привлечении новых клиентов на связи и коммуникативные сети своих постоянных потребителей.

Преодолеть коммуникативные разрывы можно, создав, например, координационный общественный совет по развитию туризма. Обозначим основных акторов, готовых к ответственному взаимодействию на поле туризма: туристические организации, имеющие успешный опыт работы с инвесторами; министерства, определившие свои полномочия и роль в общей стратегии регионального развития; образовательные учреждения, подготавливающие профессионалов для

турбизнеса и доказавшие свою конкурентоспособность; "центры силы" (О. Генисаретский), или инициативные центры, - организации, поддерживающие социокультурную идентичность города, активное население, любящее родной город и желающее сохранить его для потомков¹²¹. Консолидация усилий акторов – решающий шаг в переходе от создания жизнеспособной концепции к устойчивому развитию туризма.

Такой переход включает проектирование развития рынка турслуг (проектирование турпотоков, маркетинговый анализ, проектирование систем размещения, питания, транспорта), оценку состояния туробъектов и их пропускной способности, определение ресурсов и проблем регионального развития туризма, оценку последствий развития туризма в регионе - влияние туризма на окружающую среду, социокультурную и экономическую ситуацию, финансирование и капиталовложения, анализ эффективности действующих турорганизаций и нормативно-правовой базы. Итогом должны стать базовые программы развития регионального туризма: программа экономической поддержки и распределения прибыли, программа продвижения турпродукта, программа профессиональной подготовки, план развития туристических структур (зоны, объекты, транспорт, дороги, связь, требования и стандарты), технологии реализации – внедрение программ (определение этапов, разработка соответствующих проектов - туров, правовая поддержка), контроль качества окружающей среды), оценка социокультурных изменений, программа организационных изменений и развития персонала, новые или скорректированные нормативно-правовые документы. Необходимо разработать показатели и инструменты оценки эффективности программ. Решить эти задачи можно только при объединении и координации усилий всех заинтересованных сторон.

И тогда, возможно, появятся работы не о коммуникативных разрывах, а о золотом веке регионального туризма.

¹²¹ Покровский Н.Е., Черняева Т.И. Туризм: от социальной теории к практике управления.- М.: Логос, 2008. С. 332-338.

Список литературы

1. "Российская газета" – Экономика № 4869 от 18 марта 2009 г. Электронный ресурс <http://www.rg.ru/2009/03/18/turisty.html>
<http://www.world-tourism.org/facts/menu.html>
2. Булыгина И.И. Туристский бизнес, власть и наука: проблемы взаимодействия // Туризм и региональное развитие: партнерство власти, бизнеса, науки и образования: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. - Саратов: Издательство В.П. Латанова, 2008.С. 7-8.
3. Добровольская А. Время новых возможностей. Перед туристическим бизнесом открылись неожиданные перспективы //
"Российская газета" - Экономика №4869 от 18 марта 2009 г. Электронный ресурс <http://www.rg.ru/2009/03/18/nazimova.html>
4. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2007 год и на период до 2009 года . Электронный ресурс <http://www.russiatourism.ru/files/Report%202007.doc>
5. Официальный сайт UNWTO. Электронный ресурс
6. Покровский Н.Е., Черняева Т.И. Туризм: от социальной теории к практике управления.- М.: Логос, 2008. С. 332-338.
7. Электронный ресурс
<http://www.government.ru/content/executivepowerservices/ministries/minsport/poloshenie/>
8. Электронный ресурс
<http://www.government.ru/content/executivepowerservices/2cd81fb3-b06d-4e68-a38d-315931243e42.htm>

Сведения об авторах

Бартенев Владимир Игоревич (стр. 5) - к.и.н., старший преподаватель кафедры истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В.Ломоносова (e-mail: vladimir_bartenev@fmp.msu.ru).

Вдовиченко Лариса Николаевна (стр. 16) - доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), vdlarissa45@ya.ru

Винокуров Владимир Иванович (стр. 24) - д.и.н., профессор кафедры международных отношений МГУУ Правительства Москвы (e-mail: vin46@mail.ru).

Дугин Александр Гелевич (стр. 32) – к.ф.н., доктор политических наук, профессор, и.о. заведующего кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, (e-mail: dugin@rossia3.ru).

Киселев Игорь Юрьевич (стр. 43) – д.с.н., профессор, заведующий кафедрой социологии факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова (e-mail: kisselev@univ.uni Yar.ac.ru).

Кочетков Владимир Викторович (стр. 48, 60)- д.с.н., профессор кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: kochetkov@socio.msu.ru).

Пак Егор Викторович (стр. 60)- аспирант кафедры истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова (e-mail: formail@inbox.ru).

Красина Ольга Владимировна (стр. 72)- кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и социологии, факультет социологии, экономики и права Московский педагогический государственный университет krasinaolga@rambler.ru

Назаров Зинур Исламович (стр. 82)– кандидат философских наук, доцент Стерлитамакской государственной педагогической академии (Башкортостан) имени Зайнаб Биишевой, факультет экономики и управления, кафедра философии, политологии, социологии и права. zinur93@mail.ru

Руденко Лариса Дмитриевна (стр. 91)– к.и.н., доцент кафедры социологии факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова (e-mail: Rudenko@univ.uniya.ac.ru).

Смирнова Анна Геннадьевна (стр. 96)– к.пол.н., доцент кафедры социологии факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова (e-mail: agsmirnova2001@mail.ru).

Терновая Людмила Олеговна (стр. 101)— доктор исторических наук, профессор кафедры национальной безопасности Российской государственной академии государственной службы (РАГС) при Президенте РФ. 89166272569@mail.ru

Цыганков Павел Афанасьевич (стр. 110)- доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова tsygankp@mail.ru

Шаркова Галина Николаевна (стр. 114)– заведующая социально-психологическим отделом Государственного учреждения города Москвы Центр Досуга и Творчества Молодежи «Россия» (e-mail: ShGN8@yandex.ru).

Научное издание

Социология и психология международных отношений
и геополитики: Материалы круглого стола.

Редакционная коллегия:

А. Г. Дугин (отв. редактор), И. Ю. Киселев, В. В. Кочетков

Оригинал-макет: Алексеева А. Ю.

Подписано в печать 22.11.2010 г. Формат 60×84 1/16.

Бум. офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 7,09. Уч.-изд. л. 5,8.

Тираж 300 экз. Заказ 151/010.

Отпечатано на ризографе.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
150000, Ярославль, ул. Советская, 14.